

Несколько впечатлений об Америке

М. Л.

20 февраля 2009 г.

Предисловие

В этих заметках рассказывается о моей полугодовой поездке в Америку осенью 2008 г. До этого мне дважды доводилось летать туда для участия в небольших конференциях. На этот же раз удалось там по-настоящему поработать (в Georgia Institute of Technology, Атланта), посмотреть на университетскую систему "изнутри" и немало поездить по стране.

Аэропорт

Аэропорт Атланты один из трех самых больших на восточном побережье (наряду с Нью-Йорком и Чикаго). Это огромный пересадочный узел с трансатлантических рейсов на континентальные. Общее число рукавов для приема самолетов около 200 (в петербургском международном их, кажется, 4 ...) Приблизительно его можно представить себе как шесть параллельно стоящих вытянутых зданий-терминалов (concourse), отстоящих друг от друга настолько далеко, что к ним с обоих боков могут причаливать самолеты. Соответственно, пешком там перемещаться слишком утомительно и в поперечном направлении движется автоматическое метро. Оно обеспечивает подвоз пассажиров с терминала на терминал и вывоз долетевших к выходу из аэропорта.

Забавно, что пассажирам иностранных рейсов приходится второй раз сдавать багаж – сначала получить его и пройти таможду, а потом снова сдать, так как в метро с ним ехать не полагается. Окончательно багаж выдают уже на самом выходе из аэропорта. Еще одна неожиданность – досмотр прибывших пассажиров. Видимо, полагается обыскивать всех прибывающих в стра-

ну. Есть и собеседование с пограничниками (включает фотографирование и снятие отпечатков), но оно хорошо организовано и хотя очереди большие, стоять не так уж и долго. В город из аэропорта везет MARTA – обычный гибрид электрички и метро, который проходит под землей в центре города и по поверхности в пригороде.

Атланта-центр

Атланта – главный город штата Джорджия, но неформально считается центром всех окружающих южных штатов. Расположена на зеленой холмистой местности, вдали от моря, реки нет. В ней находятся штаб-квартира компании Coca-Cola, крупная авиакомпания Дельта, знаменитая телекомпания CNN и много чего еще. Во время гражданской войны город подвергся осаде, был местом жестоких боев и в конце концов из мести!! дотла сожжен северянами (кроме церквей), так что памятников "седой старины" здесь нет.

Обычная для американских городов прямоугольная планировка слегка искажается неровностью местности, но в общем и целом игнорирует ее. С юга на север идут 4-5 приблизительно параллельных улиц (с нормальными названиями), а с запада на восток – два десятка нумерованных "стритов". Город начисто разрезан пополам автомагистралью, проходящей прямо по середине с юга на север.

Центр отмечен, как водится, группой оригинальных высотных зданий самой разной формы, то прямоугольных со шпилями (или без), то кончающихся "кремлевскими" зубчиками. Отделка разная – стекло или камень. Архитектурно между собой эти небоскребы никак не связаны. Кстати, они совершенно не "давят", когда проходишь мимо них. В поперечном сечении они такие же, как обычные дома. Если не поднимать голову, можно пройти по улице мимо и не заметить. По назначению высотные здания – либо бизнес-центры, либо гостиницы. Благодаря им в городе трудно заблудиться – всегда на виду один, а чаще несколько ориентиров. Интересно, что они собраны не в одном центре (downtown), а на нескольких удаленных друг от друга островках. Между этими островками расположен город нормальной высоты, то есть беспорядочный набор зданий и парковок. Здесь попадаете что угодно – и нормальный шестиэтажный дом европейского типа, и двухэтажное бетонное здание, подходящее для какой-нибудь ржевской районной МТС, и даже полузаброшенная деревянная халупа (кто видел старые дачи в Озерках, поймет), которая может примоститься у подножия респектабельно-

го небоскреба. Или вдруг замечаешь – вдоль центральной улицы идет убогая линия электропередачи из почтенного возраста деревянных столбов – точно как в наших садоводствах, но еще к проводам добавлены гроздья огромных уродливых бочонков (конденсаторы?). Как такое возможно – не знаю.

Осенними вечерами, когда темнеет раньше, ярко освещенные небоскребы Атланты смотрятся просто отлично. Допускаю, что это освещение расточительно и бессмысленно (или там клерки и юристы работают круглосуточно), но эстетический эффект в любом случае прекрасен.

В городе немало совсем новых зданий, жилых и офисных, удачно сочетающих прагматизм и оригинальность внешнего вида. Много используются стеклянные панели, придающие новостройкам интересный светло-зеленоватый оттенок. Драконовские меры, запрещающие жильцам менять фасады квартир и домов, позволяют поддерживать цельность внешнего вида строений в том виде, как это задумано архитекторами.

Непременный элемент пейзажа – парковка. Как и дома, они очень разные. Это может быть эффектное многоэтажное здание, которое примешь сперва за институт, но по большей части – просто непритязательная площадка с асфальтом не первой свежести, разве что подметенная.

На улицах много зелени, а неподалеку от моего дома был довольно большой Piedmont park с ботаническим садом. Большая часть его территории занята легкоатлетическим стадионом, прудом и большими лужайками, где народ пикникует семьями и компаниями – черные с черными, белые с белыми. Предусмотрены и шашлычницы для желающих готовить барбекю. В таком парке хорошо бегать, сгоняя жир. А вот гулять скучновато. Во многих местах, где не полагается ни трава, ни асфальт, земля засыпана опилками коры либо даже каким-то специальным бурым сеном.

Underground Atlanta. Никаких катакомб и скелетов (за этим езжайте в Париж)! В самом центре Атланты (downtown) была когда-то промзона, к которой подходили ветки железной дороги. Поэтому улицы стали строить поверх складов и путей, в форме виадуков. Затем промзона вымерла, а заброшенный обширный "нижний ярус" остался. Много десятилетий спустя его заполнили гамбургерами и шмотками.

Аквариум. Одно из немногих в Атланте стоящих посещения мест это Georgia Aquarium, крупнейший в мире. Мы провели там около трех часов. Аквариум представляет собой большое двухуровневое здание неправильной формы, расположенное в самом центре города (Downtown) по соседству с Олимпийским парком и музеем Кока-Колы. На входе зрителей почему-то обыскивают как в аэропорту. Затем попадаешь в обширный холл с магазин-

чиками и кафе. Из этого холла ведут в разные стороны пять маршрутов – два тропических, северный, речной, детский. Огромные тропические аквариумы полны пестрыми созданиями разной формы. Описывать словами это красочное зрелище почти бесполезно. Кроме рыб всех размеров, красивы медузы, огромные крабы, а больше всего понравилась невероятная вариация морского конька, у которого плавники имеют форму ветки с листьями. Интересно, что в большом аквариуме плавают несколько больших акул, но они совершенно не агрессивны по отношению к остальным обитателям. Оказывается, глотка такой акулы очень узкая и она не может проглотить даже завалящую рыбешку, а питается мелочью вроде криля. Звезда северного маршрута – белый кит ("белуга"), действительно белое красивейшее существо метра три-четыре в длину, которое изящно плавает по кругу, искусно управляя своим упитанным телом с помощью маленького хвоста и столь же маленьких плавников. Не столь впечатляющи, но тоже забавны морские нерпы и выдры (otters). В речном разделе все толпятся у стаи крокодилов, которые здесь небольшого размера (около метра), но достаточно злые. С ними мирно соседствуют только черепахи. Большое впечатление произвели пирании – стайка милейших плоских рыб среднего размера, с круглым профилем и буквально плюшевыми "носами", без всякого намека на острые зубы.

В нескольких местах организованы сеансы трогания, т.е. мелкие водоемы, куда можно опустить руку и потрогать какое-нибудь морское существо. Соваться к медузам что-то не захотелось, а вот уморительных плоских рыб, похожих на скатов, я погладил, когда они проносились мимо по круговой водной дорожке небольшого настольного "стадиончика". Во многих аквариумах мы видели служителей-аквалангистов, занимавшихся хозяйственными делами – протиркой стекол, чисткой декораций. Детский маршрут – это площадка для игр, с горками и трубами для лазания. К сожалению, сейчас в аквариуме нет дельфинов и пингвинов. Для них начали возводить отдельную большую пристройку, но она будет готова только через пару лет.

Покончив с аквариумом, мы поднялись на смотровую площадку отеля "Westin Plaza", расположенную на 72-м этаже этой самой высокой гостиницы западного полушария. Площадка находится непосредственно над вращающимся по кругу рестораном, но сама она неподвижна. С нее отлично просматривается вся Атланта с ее узким, вытянутым вдоль автострады и уставленным небоскребами центром, а также окружающее море зелени, в котором скрываются бесконечные пригороды. Вдали на юге, в двадцати километрах, видны низкие постройки огромного аэропорта, откуда несколько раз в минуту взлетают и исчезают в облаках самолеты. С другой стороны,

на востоке, из ровного зеленого пейзажа необъяснимо выламывается серый утес Stone Mountain.

Выставка "Первый Император" и музей живописи. Уже в августе, когда я только приехал, на центральной улице возле музея висел большой плакат, приглашавший на выставку "Первый Император", которая должна была открыться только в середине ноября. Она посвящена крупнейшему археологическому открытию двадцатого века – раскопкам гробницы первого китайского императора династии Цинь (Qin) и его глиняной армии – почему-то мало известному в России. Этот император жил во втором веке до нашей эры (что соответствует Римской республике) и сумел силой объединить под свои началом семь небольших враждующих государств в восточном Китае, что положило начало единому китайскому государству. Всю жизнь он был озабочен проблемой бессмертия и загробной жизни, в том числе с размахом строил свою будущую гробницу, в которой, как у египетских фараонов, было бы все из жизни настоящей. Для этого были сооружены тысячи (!) глиняных скульптур – воинов, писцов, музыкантов – в натуральную величину, а также повозки, лошади, птицы... Все это было размещено в подземных помещениях вокруг гробницы, на многие сотни метров вокруг нее, а затем, когда император умер, засыпано искусственным холмом. Об этих работах сохранились письменные свидетельства, но само их место непостижимым образом было забыто, заросло лесом и найдено совершенно случайно через 2 тысячи лет в 1974 г., когда местный крестьянин, копая яму, натолкнулся на одну из фигур. Начатые раскопки обнаружили тысячи индивидуально выполненных глиняных и медных персонажей, в сравнительно хорошем состоянии, хотя, конечно, деревянные и многие металлические конструкции не сохранились. Большинство фигур стояли тесным строем в подземных коридорах, но некоторые группы располагались в отдалении. Например, на берегу подземного искусственного ручья находились большие медные птицы (лебедь, цапля,...) и группа глиняных музыкантов. Очевидно, это место было предусмотрено для отдыха императора. Археологи так и не решились вскрывать центральную часть гробницы, где, собственно, и находится погребальная камера – могила императора. Они надеются, что прогресс научных методов позволит определить, что там находится, не прибегая к раскопкам.

Посещение выставки не было проблемой, так как ее место, High Museum of Arts, является частью большого комплекса Arts Center – только перейти через улицу от моей резиденции Arts Center Tower. Билеты, вообще говоря, можно покупать в интернете, но так как мы не смогли заранее все сплани-

ровать, то пришлось разбираться на месте. День нашего культпохода попал на выходной сразу после Дня благодарения – очень удобное время, но, к сожалению, не только для нас. Мы пришли в музей около двух часов дня, но оказалось, что билеты продают только на определенное время, и ближайший сеанс только в 3:30. Поэтому мы отправились по своим делам и вернулись в назначенный час, в полной уверенности, что нас уже ждут с распростертыми объятиями. Но это оказалось заблуждением! Когда мы пробрались сквозь ненужную нам очередь за билетами, то обнаружили бесконечную змею очереди на вход – кажется, весь город собрался в музей и заполнил его первый этаж. Мы совсем этого не ожидали, так как улицы вокруг музея были пустыни, как это всегда бывает по выходным. Очевидно, люди приезжали на машинах и как-то просачивались в здание из подземных парковок. Позднее стало ясно, что скорость продвижения очереди регулируется механически: на второй этаж, где расположена выставка, разрешается попасть только на одном из двух лифтов, а они, конечно, не справлялись с таким потоком. Мы провели в этой очереди минут сорок. Интересно, что это было первое место в Атланте, где можно было случайно встретить незнакомых людей, говорящих по-русски.

Выставка оказалась не очень большой, но превосходно организованной, хотя залы были запружены народом до предела. Гвоздем экспозиции были разные глиняные скульптуры - солдат, генералов, музыкантов, писцов. Некоторые прекрасно сохранившиеся, а некоторые собранные из многих кусков. Были также медные скульптуры животных и птиц. Особенно забавны были упряжки маленьких лошадей (в половину натуральной величины), которые по мнению императора вполне достаточны для поездок по ограниченному подземному пространству. На стенах первого зала проецировался маленький фильм с рассказом об эпохе первого императора, а в других залах было много пояснительных надписей, карт, макетов дворцовых зданий и плакатов. Мне понравилось, что и фильм, и пояснения были дублированы "справа" и "слева", чтобы толпа зрителей, обтекавшая экспонаты с двух сторон, легко получала по дороге нужную информацию.

Покинув выставочные залы и купив на память несколько сувениров, мы еще смогли перед закрытием пробежаться по части постоянной экспозиции. Здание музея большое, светлое и современное, но оно еще не заполнено достойным такого дворца материалом. Впрочем, в разнообразии экспонатов каждый найдет себе что-то по душе. Например, меня оставляют совершенно равнодушным цветные квадратики и полосы абстрактной живописи, но зато маленькая выставка фотографий современного Китая (контраст бурной

стройки и разрушаемого ей прошлого) и экспозиция африканских масок и украшений доставили настоящее удовольствие. Интересно, что в музее на равных правах соседствуют абстрактная "живопись" и вполне реалистичная фотография.

Carter Center. Каждый президент США имеет право на мемориальный центр, посвященный его деятельности. Ядром такого центра служит библиотека, в которой собраны бумаги президента и его правительства, а также личный музей. Один такой центр находится в Атланте и посвящен Джимми Картеру, который до того как стать президентом, был губернатором Джорджии. В России Картер был известен как владелец ореховой фермы, организатор бойкота московской Олимпиады и, как тогда у нас говорили, "Кемп-Дэвидской сделки", то есть первого мирного договора между Израилем и одной из арабских стран (Египтом), на многие годы прекратившей военные столкновения между арабами и Израилем. Но я не знал, что Картер получил военно-морское образование и около десяти лет прослужил на флоте. Он вышел в отставку и вернулся на семейную ферму здесь, в Джорджии, только после смерти отца. Кроме рассказа о Картере, экспозиция содержит популярное объяснение роли президентов и вкратце рассказывает о делах предшественников Картера на этом посту (только двадцатый век). О нашей стране там говорится достаточно часто, и, к сожалению, всегда плохо. Поэтому мне больше понравилась копия овального кабинета (президентский кабинет в Белом доме), где есть только вещи и нет конфронтации.

Музей картеровского центра окружен красивым парком с прудами, водопадами в японском стиле, большими декоративными рыбками в маленьком бассейне, и поэтическим видом на линию небоскребов Атланты. К сожалению, в конце ноября листва уже облетела и парк не был так прекрасен, как на некоторых фотографиях. Но мы все равно получили большое удовольствие, побывав там.

Вечерние прогулки в темноте позволяют заметить, как бурно живет небо над Атлантой. Все время в поле зрения 2-3 набирающих высоту самолета плюс частенько над крышами небоскребов проносятся вертолеты (полиция? богатей?). Единственное, что не вызывает сочувствия, – это вертолеты, летающие над кампусом днем с прицепленными рекламными лозунгами. Шумно и неэффективно.

Автомобильное движение не впечатляет чем-то особенным. Преобладают, конечно, крупные машины, но их и у нас немало. Заметно, что японцы (например, Хонда) сильно потеснили местных производителей. Как и всюду

в штатах, для рабочих поездок используются траки – легковые машины с кабиной на одно сиденье и открытым корытцем-кузовом для грузов сзади. Из европейских моделей почему-то популярна ретро-версия "Фольксваген-жук".

Движение размеренное, без лихачества. Для спокойствия водителей здесь не колеблются сделать односторонним движение по 4-5-рядной широкой улице. В большие пробки я так ни разу и не попал. Говорят, здесь в весь бензин добавляют 10% этанола растительного происхождения. Это экономит нефть, но зато привело к подорожанию еды – фермерам выгоднее сажать растения, из которого он получается, чем пищевые культуры. Контроль выхлопов здесь на высоте – воздух кажется вполне чистым даже на улицах с оживленным движением. А вот по уровню шума проблемы есть, особенно с автобусами. Когда два автобуса стоят на остановке с включенными моторами, то прохожему кажется, что он забрел на поле аэродрома. Пешеходу не следует идти слишком близко к краю проезжей части (хотя при узких тротуарах – а кому здесь нужны широкие? – иногда приходится так ходить). Водители здесь ездят ближе к краю, чем у нас – не боятся плохого асфальта и безумных пешеходов. Впрочем, однажды я понял преимущество узкого тротуара – когда увидел как по широкому лупит на скорости полицейская машина с мигалкой. Она спешила на место аварии и таким образом объезжала светофор.

Асфальтовое покрытие городских улиц и тротуаров в центре Атланты такое же пестрое как их застройка. Где-то все выложено красивой плиткой и огорожено гранитными поребриками, но в других местах на асфальте много заплат, остающихся от прокладывания всевозможных кабелей, трещины от корней крупных деревьев, плохо выровненные бетонные плиты – не дают особенно расслабляться пешеходу, да и автомобилисту, отчасти тоже.

Бензиновый кризис. В октябре из-за урагана в Мексиканском заливе были прерваны поставки нефти в южные штаты. В результате Джорджия на неделю вдруг оказалась стоящей в часовых очередях на заправке, а потом и вовсе осталась без бензина. Бедная профессура и часть студентов, живущих подальше, вынуждена была выкручиваться кто во что горазд. А я как раз попал в те счастливые 10% населения, которые ничего не заметили. Вообще-то, от таких событий престиж американской экономики несколько тускнеет (впрочем, вблизи так и должно быть). Интересно, что цены на бензин чутко следуют мировой конъюнктуре. То поднялись до 4-5 \$ за галлон, то, при сообщении о грядущем экономическом спаде, вернулись к 2.5\$, а потом и вовсе рухнули ниже 2\$.

Передние номера на автомобилях отсутствуют. Хочешь выпендриваться

– можно поставить табличку с названием фирмы или университета, флажок или что-то еще.

На шоссе попался интересный радар. Он вмонтирован в знак-ограничитель скорости. Вместо того, чтобы ловить водителя и высылать ему штраф, радар на специальном табло показывает ему скорость автомобиля, и позволяет сопоставить ее со знаком.

Многое, конечно, рассчитано на автомобилистов. Например, ящики для сбора почты ставят на тротуаре так, чтобы в них можно было опустить конверт прямо из окна машины. Или заведение, с виду практически неотличимое от бензоколонки, оказывается закусочной, где можно подъехать к окошку с гамбургерами. Заметно отличие системы дорожных знаков. Здесь очень любят надписи в ущерб рисункам. Иногда это раздражает, так как не успеваешь на ходу все прочесть и тем более отсечь неважное. Например, на "кирпиче" пишут "нет въезда". Запрещение поворотов на перекрестке также пишут словами. Вспомнил виденную фотографию дорожного знака – на треугольнике надпись крупными буквами: "руками не трогать – острые края", а ниже гораздо более мелкими: "впереди разобран мост"...

Велосипедистов здесь мало, пешеходов немного, но они есть. В будние дни к центру Атланты рассказы об отсутствии в Америке пешеходов не относятся. По выходным, действительно, народу мало – по большей части бегуны-любители. Поэтому воскресная прогулка по городу не доставляет удовольствия – все едут мимо тебя на машинах, да и зайти-то здесь некуда. Чувствуешь себя изгоем и незванным гостем. В лучшем случае, набредешь на фастфуд или бензоколонку с людьми.

В Атланте очень заметно присутствие полиции, в чем город ближе к России, нежели к Европе. Думаю, тут ее даже много сортов – от штата, от города, а в кампусе – от университета. Она все время с воем едет куда-нибудь, как в кино, но на самом деле не гонится за нарушителями, а спешит на место очередного происшествия. Я видел как полиция приводила в чувство велосипедиста, сбитого грузовиком, и пару раз – как она обеспечивала порядок движения при вывозе разбитых машин с места аварии. Работенка им есть: сам видел как неподалеку от моего дома какой-то чудаковатый выехал из боковой улицы на главную против одностороннего движения, навстречу пяти рядам потока, но как-то обошлось, все успели затормозить. Полицию дополняют разного рода многочисленные охранники парковок и других частных заведений, что усиливает неожиданное сходство с милой родиной.

Не будем идеализировать ситуацию. Криминальная хроника в университетской прессе имеется в достаточном количестве, но разнообразием не от-

личается: "... недалеко от кампуса на улице ... преступник, черный мужчина неопределенного возраста, угрожая пистолетом, ..., был объявлен план "перехват" ... результатов не дал ... проявляйте осторожность в вечернее время"

А вот еще о заботах полиции. Только в 2003г. был отменен "Georgia Unmarried Sex Law", введенный еще при плантаторах в 1830г. Суть закона ясна из названия, а практика применения разительно напоминает борьбу с наркоторговлей. Какой-нибудь X знакомится на вечеринке с веселой девушкой, они начинают встречаться, наконец, доходит дело до поездки в близлежащий мотель и – упс! – вы уже поняли, девушка – переодетый офицер полиции, а бедняга X пойман с поличным и полетел под фанфары в тюрьму, минимум на год, а то и больше. Есть и аналогичные законы штата о том, как именно не следует заниматься сексом даже и с законным супругом, но суть и методы борьбы примерно те же.

Здесь очень любят ездить с воем сирен. Он практически все время доносится откуда-нибудь. Хорошо сопровождал на занятиях мои задачи о вероятностях несчастных случаев.

Метро и железная дорога

Вся сеть здешнего метро (по местному, MARTA) представляет собой две ветки крестом – одна с севера на юг, другая с востока на запад, с небольшими разветвлениями на концах. Каждая станция метро, кроме центральной, имеет, в дополнение к нормальному названию, еще и номер, – на север *N1, N2,...*, на восток – *E1, E2,...* Сказывается американская страсть к нумерации географических объектов. Первый раз, когда я зашел прокатиться на метро, меня испугал доносившийся с платформы панический захлебывающийся голос дикторши. Слов было не разобрать, но по тону было ясно, что все идет наперекосяк. Это оказалось глупым заблуждением. Когда я оказался на платформе, а потом и в поезде, те же объявления воспринимались совершенно иначе. Просто голос повторяет по три раза название следующей станции (в поезде) или пункт назначения поезда (на платформе), да еще норовит упомянуть все возможные пересадки и близлежащие учреждения. Тут уж поневоле зачистишь. Станции чистые, но душные, угрюмые, бетонные, с минимальными украшениями. Поезда, наоборот, светлые, кондиционированные и удобные (и тоже чистые, не разрисованные и в меньшей степени завешенные бумажной и телевизионной рекламой), по длине они похожи на питерские. Глубина за-

легания подземной части трассы минимальна. Пассажиры поездов большей частью черные, – как в парижских пригородах, где нет туристов. Частота движения поездов 5-10 минут.

Мы не одиноки во Вселенной: первое, что я увидел на рекламном мониторе в вагоне метро, был ролик сериала "CSI Las Vegas". Известен у меня дома под названием "Папины трупы".

Мое представление о том, что железные дороги в Штатах вымерли, не выдержав конкуренции с авиацией и большегрузными автомобилями, пришлось несколько скорректировать. Атланта исторически является крупным железнодорожным узлом (отчасти из-за этого ей так досталось во время гражданской войны), и из моих окон частенько был виден ползущий вдали товарный состав. Из пассажирских перевозок дальнего следования уцелел один маршрут – длинная ветка, идущая по карте наискосок: на северо-восток в сторону Каролины (Greensboro) и Вашингтона, и на юго-запад через Алабаму и Луизиану к морю в Новый Орлеан. По ней ходит по одному поезду в день в каждом направлении.

Атланта-пригород

Большая часть населения 5,5-миллионной Атланты живет в пригородах вокруг центра. Это переходящие друг в друга небольшие городки, застроенные красивыми и разнообразными частными домами. Хотя встречаются и двухэтажные несколько-квартирные дома, вертикально разбитые на семейные блоки, все же преобладают дома на одну семью. Типичный домик имеет два этажа и гараж на две машины. Вместо сетки улиц здесь neighborhood – кривые тупики, ответвляющиеся от шоссе. На каждый выходит десяток домиков, которые стоят неподалеку друг от друга, но и не прижимаются вплотную. Заборов никаких нет! В основном нет и садов-цветников-огородиков, только стриженный газон и деревья – например, хвойные – местные елки и сосны. Это объясняется общей нехваткой воды, из-за чего полив очень ограничен. Часто кажется, что дома стоят на опушке дикого леса, но на самом деле в нем обычно прячутся такие же грозди домиков. Архитектура строений достаточно разнообразна, преобладает красивая темно-коричневая кирпичная отделка. Однако на самом деле стены и потолки сделаны из всякой трухи типа гипрока и картона, пристроенной к прочному деревянному каркасу. Повеска простого зеркала на такую стену может быть проблематична, и для этого зовут мастера! В газончик перед домом часто воткнут плакатик – либо

реклама кандидата в президенты или сенат, за которого будет голосовать хозяин, либо объявление о продаже, или просто призыв к водителям ездить помедленнее. Зелени (деревьев) здесь много и чувствует она себя хорошо. При этом общий характер растительности кажется знакомым – ели, сосны, березы, дубы, клены, акации – все, конечно, на местный манер. Интересная разновидность местных деревьев - "willow oak" (ивовый дуб). По виду и по листьям – ничего общего с дубом. Но с него падают желуди! Почти как в известном экспромте Маяковского "Листья дуба падают с ясеня, ...", только наоборот. Пальм, бамбука и прочей тропической экзотики практически нет. Есть, конечно, много и того, что в России не растет, но общий вид зелени все же сравнительно близок к нашему.

Косить траву, даже если она окружает заброшенный пустырь, положено дважды в месяц. Так что сезонникам-чиканос (или кто они там) всегда найдется работа.

Университет Эмори¹. В одно из воскресений посетили кампус "конкурирующей организации" – Университета Эмори. Этот университет также считается очень хорошим, но до приезда в Атланту я о нем никогда не слышал, потому что математический департамент там не блещет. Зато в Эмори хорошая медицинская школа с огромной клиникой, бизнес-школа и много других гуманитарных факультетов. Это частный университет с дорогостоящим обучением. Кампус Эмори, стоящий на нескольких холмах вдали от центра города, интересен тем, что архитектура зданий совсем не похожа на то, что пришлось до этого видеть в других местах. Здания все белые, многие облицованы светлым мрамором и объединены каким-то южным средиземноморским стилем, в отличие от традиционных образцов, где в ходу красный кирпич и элементы готики. Особенно интересен новый студенческий центр – светлое современное здание, пристроенное к старинному корпусу так, что красивый фасад старого оказался в холле нового.

На обратном пути посетили странную достопримечательность Атланты – местный белый дом. Какой-то разбогатевший архитектор позволил себе прихоть построить на своем большом участке точную копию вашингтонского жилища президентов. Идея сомнительная, но дом белеет на холме за элегантной лужайкой (на ней кустарниками выведено "god ♡ you") и выглядит действительно красиво.

Плантация. В один из выходных мы попали в музей барской жизни – на

¹Emory University

довоенную (как здесь говорят, antebellum) плантацию. В России такие объекты называются музеями деревянного зодчества. То есть старинные здания перевезены из разных мест на общую посещаемую площадку, в данном случае – в парке Stone Mountain, о котором я расскажу позже. В музее оказались три плантаторских дома, хижина доктора времен первых поселенцев, пара хижин для рабов, скотный двор, еще кое-какие хозяйственные постройки, сад для прогулок и огород. Собственно о плантации напоминают два хлопковых куста, растущих посреди огорода. Они смотрятся довольно забавно на фоне капусты, клубники и засохших перцев. Были еще интересные тыквы странной бутылочной формы.

Дома плантаторов очень напоминают русские помещичьи усадьбы (как мы их себе представляем), в 2-3 этажа, часто наполнены хорошей мебелью и посудой английского производства. Особенность планировки, диктуемая жарким климатом, состоит в том, что в нижних, полуподвальных этажах отводились господские комнаты как убежище от летней жары. Дома (как и в современных пригородах) часто ставились на склонах, так что и на первый, и на второй этаж можно было попасть снаружи.

Хижины рабов - предельно простые достаточно просторные для одной семьи некрашенные деревянные домики, в один этаж, но с сеновалом под крышей. Обставлены ветхой мебелью, чаще всего списанной из господского дома.

Впечатляет дом-хижина врача эпохи проникновения поселенцев в эти края. Грубой формы сруб (шпалы из прекрасного дерева) образует единственную комнату, служившую одновременно спальней, столовой, аптекой и приемным кабинетом.

Интересно, что создателям музеев, видимо, не составило труда собрать подробную информацию о семьях хозяев каждого дома и даже о том, как они использовали то или иное помещение (комнаты сына, дочери, тещи и т.д.).

Halloween. Где-то с 10 октября начинается затяжная подготовка праздника. Сначала в супермаркете появляются тыквы всевозможных размеров. Затем начинают преобразоваться некоторые домики и участки. Лужайки перед ними вдруг наполняются могильными камнями. На деревьях и даже фасадах домов повисают скелеты. Кусты "зарастают" белой паутиной, а иногда паутина повисает в воздухе по типу волейбольной сетки. И, конечно, всюду разложены огромные злобные пауки и летучие мыши.

Попался на глаза каталог продажи новых домов в окрестностях Атланта. Средняя цена – порядка 250 тысяч. Сейчас здесь острый кризис рынка

недвижимости и цены упали. Но все равно не укладывается в голове, что новый просторный дом на опушке леса и в полчасе езды от центра мегаполиса стоит столько же, сколько у нас меньшая квартира в грязном доме, стоящем посередине гипер-перенаселенного спального района. Кстати, благодаря хорошему климату (а также уходу и разумной архитектуре) дома здесь отлично сохраняются. Мы видели поздравительные плакатики "100 лет дому и улице", возле строений, которым я бы не дал и 50.

Thanksgiving day. Внешне день благодарения не так заметен как Хэллуин или Рождество. Только в двух-трех садиках попались на глаза большие фигурки типа Страшилы и яркий надувной индюк. Да еще в магазине продавцы ходили в шапочках с индюшачьей символикой. Зато уже в двадцатых числах ноября появляются первые рождественские елки.

Поскольку для нас Thanksgiving – это в первую очередь ритуал приготовления индейки, то мы подошли именно к нему со всей серьезностью и нетерпением. Долгожданные птицы появились в магазинах примерно за неделю до праздника. В отличие от обычных куриц, они почему-то были завернуты в непрозрачную упаковку и в таком виде напоминали футбольные мячи – то есть покупаешь и несешь домой что-то непонятное. Мы не выдержали неопределенности и занялись приготовлением в ближайший выходной, – получилось, отпраздновали даже на несколько дней раньше настоящих американцев. При вскрытии пакета в нем, помимо индейки с хитроумно связанными (на месте головы) ногами, обнаружилась красивая цветная инструкция с несколькими вариантами приготовления и не менее красивая веревочка, которой полагается обвязывать птицу и потом вынимать ее после жарки из блюда. Вевочка была такая элегантная, что рука не поднялась использовать ее по назначению. Она осталась нам памятным сувениром.

Ситуация осложнялась тем, что мы далеко не в полной мере понимали систему управления нашей старенькой духовки. Были счастливы уже тем, что удалось запустить ее в дело. В результате сработал не тот рецепт, что был предназначен для духовки, а скорее вариант с грилем на открытом воздухе. То есть индейка поджарилась гораздо быстрее, чем мы ожидали, и приобрела "тот самый" коричневый оттенок, настолько аппетитный, что мы с энтузиазмом принялись ее уплетать, забыв запечатлеть результат на фотографии. Даже последующая нудная работа по отмыванию плиты (это было доверено мне) не могла уменьшить радости от удавшегося эксперимента!

Когда наступил настоящий День Благодарения, мы отправились в гости и имели возможность разглядеть и попробовать Настоящую Индейку. Она

отличалась от нашей кустарной в основном размером (около 8 килограмм), а также тем, что к ней подавались правильные сопровождающие блюда, в том числе тушеные (в индейке) яблоки, клюквенное варенье и сладкий апельсиновый, похожий на тыкву, картофель. Вкус индейки все очень одобрили, но справиться с таким количеством мяса даже большой компании было нереально.

Президентские выборы. В ноябре прошли президентские выборы, а параллельно с ними еще много более мелких – сенаторов, судей и т.д. Вся предвыборная борьба здесь проходит на телевидении и отчасти в интернете. На улицах нет никаких плакатов или иной рекламы. В кампусе агитация более чем скромная. В основном обе стороны просто призывали студентов зарегистрироваться в качестве избирателей и голосовать.

По американской системе все голоса каждого штата отходят к одному из кандидатов. Поэтому в большинстве штатов выборы не представляли никакого интереса, их итог был известен заранее. Например, в Джорджии интеллигентная Атланта и черные пригороды дружно голосовали за Обаму, а все остальные, более сельские районы и мелкие города столь же дружно – за Маккейна. В результате, как и ожидалось, Маккейн легко победил вопреки тому, что мы видели вокруг себя. Все внимание было приковано только к 7 штатам из 50, в которых шансы на победу имели оба кандидата². Однако положение Маккейна было почти безнадежно – ему нужно было удержать все 6 сомнительных штатов, в которых республиканцы победили прошлый раз, а шансы отобрать что-то у демократов были только в одной Пенсильвании. Однако в день выборов быстро выяснилось, что в Пенсильвании побеждает Обама. В остальных спорных штатах была упорная борьба, особенно в Миссури и Северной Каролине. Там разрыв был настолько мал, что пришлось провести ручной пересчет голосов (вообще-то здесь все считают компьютеры) и отложить объявление итогов на пару дней. В конце концов Обама выиграл в Каролине и проиграл в Миссури. Но к этому времени исход выборов был уже решен тем, что Обама выиграл несколько спорных штатов, – Индиану и особенно густонаселенную Флориду, а этого было достаточно, чтобы получить большинство. В вечер выборов я следил за их ходом по интернету, но не дождался итогов, так как ясность наступала около двух часов ночи.

Все говорят, что исход выборов предрешил внезапно грянувший финансовый кризис. Маккейн, до этого говоривший, что Буш все делает правильно, получил роковой удар.

²Battleground states.

Кстати, будущий президент Обама, при всей его чернокожести, имеет мало общего с американскими неграми (точнее – только жену). Его мать – белая американка (с английскими корнями) из Канзаса, отец – кениец – испарился вскоре после его рождения, а сам Обама отнюдь не провел свое трудное детство в гарлемском гетто, а воспитывался в доме белой бабушки на Гавайях (а бабушка к тому времени дослужилась до вице-президента тамошнего банка) и ходил в самую престижную школу. Напоминаю это только потому, что российские СМИ очень поверхностно пишут о нем и абсолютно заигнорированы его цветом кожи.

Stone Mountain. Природный парк недалеко от Атланты. Посреди обычной зеленой природы лежит огромная серая скала-валун в несколько сот метров высотой. Два ее края практически отвесные, а другие два более пологие, и по ним вполне можно забраться наверх. Вокруг скалы ходит поезд (для большинства американцев это классный старинный аттракцион), а также пролегает (искусственное или нет) узкое, но длинное озеро, вполне в стиле нашей Вуоксы. Летают журавли, орланы и, конечно, прыгают вездесущие белки. Очень интересный аттракцион для взрослых и детей – на высоте нескольких метров над землей нужно преодолеть трассу препятствий – проходить по качающимся бревнам, веревочному мосту и пр. Посетителей много, причем почему-то гораздо больше белых.

Главной достопримечательностью здесь считается гигантский барельеф, высеченный в скале, где скачут на конях южане-герои (лузеры) гражданской войны – генерал Ли, президент конфедерации Дэвис и еще кто-то. Выполнено мастерски и с размахом, но противоположная, дикая и пустая, сторона горы ничуть не хуже ...

Квартира

Жил я в самом центре города возле концертного зала Arts Center и станции метро с тем же названием. Дом представляет собой башню и называется соответственно Arts Center Tower. Со своими 20 этажами он значительно выше средней застройки, но ниже высотных зданий неподалеку. Он стоит как маленький гриб возле большого, рядом с другой башней, этажей в 30. Совсем недалеко действительно высотные здания, число этажей в которых оценить затруднительно, где-то от 50 до 70. Квартира на 12-м этаже явно была мне велика (как и многое в Америке), имела квадратную форму и площадь около 70 квадратных метров. В ней одна спальная комната с дверью, санузел,

а остальное пространство не разделено дверьми. Оно состоит из большой гостиной, кухонного угла (где стоят плита и холодильник, но негде поставить стол), маленькой прихожей и стеклянной лоджии, выходящей на север. Кухня отделена от гостиной стенкой с окошком, через которую можно передавать (самому себе) еду. Пол покрыт очень пушистым ковровином, стены из крашеного гипрока, потолок, кажется, фанерный. Все далеко не новое, но в приемлемом рабочем состоянии. В том числе два допотопных регулируемых кондиционера – в спальне и гостиной. Интересная особенность здешних нравов – к квартире не прилагается никакой мебели. В кухне все есть – большой (американский с расчетом на еженедельные закупки в багажник автомобиля!) и удобный холодильник, электроплита (наша домашняя получше будет) и захудалая посудомоечная машина.

Одна важная особенность оборудования типичной американской кухни мне прояснилась с большим опозданием. В кухонной раковине у них практически нет решетки на сливе. Уронишь макаронину или стручок фасоли – улетит безвозвратно. Есть, правда, пробка для затыкания, но ей очень неудобно манипулировать. Естественно, уроненные предметы не могут уходить по тонким сливным трубам и накапливаются в специальной банке под раковиной. А накопившись, начнут пахнуть ... Понимая это, я всячески старался ничего не ронять и продержался почти полтора месяца. Но запашок все же начал-таки просачиваться. К счастью, когда я ездил в Делавер, Влад просветил меня. Оказывается банка под раковиной – это мельница. В одну из кухонных розеток встроен неприметный выключатель, точно такой же, как для включения лампочки. Нажав его, запускаешь в работу ножи мельницы, та перемалывает накопившиеся беглые макароны и стручки в труху, и поток воды уносит результат помола дальше по трубам.

А вот комнаты были пустые, снабжены только встроенными шкафчиками для хранения одежды. Мебель пришлось брать напрокат в специальной компании, причем выбранное по моим малым потребностям (2 стола, кресло, 3 стула, настольная лампа и кровать) никак не заполнило пространства квартиры, и она выглядела пустой. Пришлось даже покупать занавеску для ванны, ее тоже не было. Электричество тоже не входит в стоимость квартиры, причем съемщик должен сам идти в местный электросбыт, заключать с ним договор и вести все дела. То же было бы и с телефоном, но я не стал его заводить и купил дешевый мобильник. Напряжение здесь 110 вольт и розетки другие. Имея переходник, можно без проблем заряжать компьютер или фотоаппарат. А вот привезенный чайник пыхтит-пыхтит, а довести воду до полноценного кипения не может. Для мусора есть мусоропровод, куда все

валится навалом, никакой сортировки. В этом отношении им далеко не только до продвинутой Германии, но и до отсталой Франции. Бумажные отходы, впрочем, можно уносить в кампус, где их благородно собирают.

Есть несколько неожиданных мелких бонусов – бесплатный зал с тренажерами, маленький бассейн, расположенный на открытом воздухе, т.е. на крыше выступающей части первого этажа, бесплатный кофейный автомат в холле (боже мой, ну и пошло) и, самое главное, бесплатный интернет, опять же в нижней части здания. Им-то я и пользовался по выходным.

Относительно кампуса дом был расположен на расстоянии пешей прогулки. От двери до двери получалось (со стоянием на светофорах) чуть менее 35 минут. Три заметных подъема в горку и два таких же спуска. Однако можно было часть пути проделать на метро, и/или на бесплатном ретро-автобусе trolley, который едет в кампус от метро, но все равно не доезжает до института математики. Я ходил пешком для моциона, то есть метро игнорировал, но иногда небольшую часть пути ехал в автобусе, так прохладнее летом и теплее зимой. Такой вариант не утомителен и занимал минут 25-30. С магазинами проблем нет – хотя в непосредственной окрестности практически нет ничего, от соседней улицы шел бесплатный автобус в расположенный неподалеку (перейти через автостраду) торговый центр Atlantic Station. Он построен на месте закрывшейся фабрики, что и оправдывает его необычное расположение почти в центре города. Там большие универмаги, гипермаркеты, H&M, Ikea, и всякая сопровождающая мелочь типа харчевен или телефонных лавочек. Туда, если не лень, можно было тоже отлично дойти пешком минут за 15.

Башня, где я жил, относилась к комплексу Atlanta Trump³ Towers. Об этом сообщала огромная надпись на высоком заборе, окружающем соседнюю площадку (бывшую автостоянку). Очевидно, экономическая обстановка для строительства следующей башни не благоприятна, и стройка так и не началась. Более того, дальний отголосок одного из ураганов пролетел над Атлантой и сшиб гниловатую секцию забора. Я все ждал, когда Трамп придет спасти свое доброе имя, но он, видно, был занят на Уолл Стрите ... А тем временем одна накренившаяся секция тянула за собой другую, и все это реально угрожало плохо застрахованным прохожим (мне, то есть). Кризис! Наконец, городская власть не выдержала, снесла забор ... и на месте владений Трампа опять появилась стоянка.

³Трампа – один из самых известных "новых" американских миллиардеров

Погода

В августе Атланта встретила меня чудовищной жарой. Раньше такое испытывал только в бане, например, в финской сауне. Передвигаться в таких условиях пешком можно, но только медленно и вдумчиво. Не знаю почему, но мне казалось, что тени на улицах почти нет – солнце все время в зените. Жара нисколько не уменьшается ни ранним утром, ни поздним вечером после захода солнца. Вышел из дома перед первой поездкой на работу "подышать утренним воздухом" и вынужден был спасаться от жары обратно в дом. По большей части здесь нужно находиться в кондиционированных помещениях – офисе, доме, автомобиле. Квартира без кондиционера в таких условиях это нонсенс. Но: в помещении по тебе непременно лупит струя холодного воздуха и запросто можно простудиться. Поэтому нужно все время манипулировать кондиционером. Например, дома я выключал кондиционер в той комнате, где находился и включал в другой. И еще деталь – шум от гигантского воздухозаборника во дворе был намного сильнее уличного шума от автомобилей. Я уже приготовился выживать в этих банных условиях до середины сентября, но потом жара как-то спала, прошла сильная гроза, и климат стал просто жарким, без эксцессов. В таких условиях получасовая прогулка от жилья до работы уже была вполне возможна. Даже сказал бы, что несколько минут жаркого солнца при небольшом ветерке оставляют, скорее, приятное ощущение. Следующие дни принесли затяжной теплый мелкий дождь (вот уж действительно shower – душ), так что я окончательно запутался в том, что считать здесь типичной погодой. Говорят (трудно поверить!), что в последние годы штат страдает от засухи и губернатор организовал молебен о ниспослании дождя на ступенях здешнего штатского Капитолия. Видимо это помогло, но как-то чересчур, так как теперь с дождями доходит дело угрозы настоящего торнадо, с вытьём аварийных сирен. В качестве утешения, когда торнадо не состоялся (для Атланты они не характерны, но случаются раз в несколько лет), над городом висела прекрасная двойная радуга ...

В октябре стремительно наступила осень. При чем этого не скажешь по очень теплой погоде, но многие деревья решают, что с них хватит. Листья чуть ли не на глазах краснеют, желтеют и начинают облетать. При этом не образуется мокрой грязи, как у нас, поскольку все сухое. Такую же осень я видел когда-то в Самарканде ... Разумеется, многие южные деревья листья не сбрасывают. Например, магнолии, во многом определяющие здешний ландшафт.

В конце октября примерно на неделю вдруг установился антициклон с очень холодной погодой (где-то в диапазоне +2 – +9), явно не по сезону. Единственное отличие от русской осени – нет инея на деревьях, так как воздух сухой. Но затем вернулась гораздо более приятное время, пусть и с более прохладными утрами и вечерами. В целом, осень здесь теплая, но нужно быть готовым к недолгим резким похолоданиям.

В ноябре, с его ветрами и холодами, произошел, наконец, большой листопад. Было интересно наблюдать как в GT занимаются уборкой листьев. Сперва бригада деятелей бродит по газонам, с портативными "ветродуями" (антипылесосами) наперевес и с их помощью сдувает листья в большие кучи. Затем приезжает мусорная машина с большим хоботом и всасывает эти кучи в свой кузов. Либо, наоборот, приезжают на микро-автомобиле мужики с граблями и скидывают все в огромные пластиковые мешки, затем эти мешки они куда-то увозят. При такой технологии не остается пятен от костров и почва (тонкие газончики) не страдает от граблей. Зато работа получается шумная и пыльная.

Черные, белые, разные ...

Джорджия – южный штат и потому доля черного населения очень велика, навскидку – около половины⁴. Оно производит достаточно приятное впечатление. Мне не попадались двухметровые амбалы, которые только и ждут, чтобы размазать тебя по стенке. Черные полностью занимают определенную социальную нишу – полицейские, охранники, пограничники, водители автобусов, продавцы, секретарши в университете, даже менеджеры в отделении банка. Они очень открыты и приветливы, ни заискивают, ни держатся на дистанции. Свою работу выполняют хорошо и кажется довольны своим положением в обществе. Впрочем, черных преподавателей математики как не было, так и нет (точнее, один на 80). Едва ли это занятие их интересует. Но мне было непонятно, почему так мало в инженерном вузе черных студентов. Если издали проблема "under-represented minorities" казалась надуманной, то здесь она бросается в глаза. Возможно, дело в том, что в штате есть другие университеты, "исторически черные". Там наверняка картина другая. Мне было положено пройти курсы ориентации, куда собираются новые преподаватели со всех факультетов. Почти сотня участников и ни одного

⁴Демографы говорят, что она доходила до 2/3, но потом снизилась из-за перетока в прогрессирующую Атланту белого населения депрессивных районов и прихода других рас.

черного лица! В то же время на этих курсах перед нами выступали "типичные сотрудники", "типичные студенты", "типичные аспиранты", и в каждой выборке случайно оказывался один чернокожий ... Кстати, с точки зрения внешности черные никак не менее разнообразны, чем белые, и есть много лиц с темным цветом кожи и достаточно европейским типом лица.

Идиллическая картина: в скверике на главной улице города сидят 20 негров и азартно режут в шахматы. Менее идиллическая: тут же на каждом перекрестке сидит черный бомж. Их, может быть, не так и много, но центр невелик, а люди, источник милостыни и обьедков, только тут.

Среди обычных жителей города не было видно большого числа китайцев (кроме студентов, конечно) и не так уж много латинос⁵. Очевидно, это пока не "их" часть страны.

По случаю постоянных хождений на работу и с работы под солнцем юга моя лысина и руки приобрели стойкий кирпичный оттенок. Можно бы претендовать на принадлежность к краснокожим, но здесь все не так просто – это хлебное дело – им и только им полагается лицензия на проведение азартных игр. Вся Атланта оклеена рекламой казино в резервации индейцев чероки.

Торговля и цены

О здешних магазинах ничего интересного не скажу. Наши новые построенные по американскому образцу и всем знакомы. Работает все с раннего утра до позднего вечера, где-то с 7 до 10, без обеда и выходных. Народу обычно очень мало. Продуктовая торговля в центральной Атланте практически монополизирована – всюду магазины одной сети (Publix).

Винный магазин. В это трудно поверить, но в центральной Атланте всего один (!!!) специализированный винный магазин, не считая отделов в супермаркетах. Общее впечатление смешанное. С одной стороны, сами американские вина очень неплохие (особенно надежны калифорнийские). Единственное, чем они раздражают, это постоянным желанием "сделать красиво", то есть использовать французские имена и названия. С другой стороны, в том, что касается иностранных вин, нет ни выбора, ни компетентности. В большом специализированном магазине на вопрос, есть ли у них Sauterne,

⁵Однако: на квитанции к почтовой посылке все написано по-английски и продублировано по-испански. То же самое на документации к мобильнику. И даже на столбике с надписью "Пол мокрый!", который выставляет уборщица в университете.

Mont-Basillac или другое стандартное южное французское вино, продавец ответил: "Ну, у нас есть пара бутылок французского белого ...". Как в анекдоте – "Книга у нас уже есть". О супермаркетовском винном отделе я уж и не говорю. В общем, патриоты – покупают и пьют местное. Продажа алкоголя с 21 года и только по удостоверению личности. Один раз даже у меня спросили!

В повседневной жизни американцев совершенно не участвуют столь любимые нами банкноты в 100 и даже 50\$. Никакие автоматы их не берут. В ходу только 1, 5, 10, 20\$ (боже мой, какого качества – ветхие, драные, изрисованные – видели бы их кассирши наших обменников!) . Большие платежи производятся только кредитными картами. При мелких расчетах основную нагрузку несут бумажки в 1\$, так как 2\$ в обращении нет. Буквально только что американский центробанк "сломался" и выпустил-таки однодолларовую монету с очередным президентом. Ее еще не все и видели, но мне повезло – автомат в метро дал на сдачу парочку экземпляров. Кстати система мелочи 1-5-10-25 центов тоже неудобна в обращении. явно не хватает 2(3) и 50 центов. В результате все гремят ненужными центами и испытывают трудности набрать 60-70. Cent – бросовая монета в прямом смысле. Часто валяется на улице, его никто не подбирает. Магазины предлагают услугу – размен мелочи (которую народ копит в детских кубышках, а с собой не носит) на "настоящие" бумажные деньги. Стоимость 8%.

Из здешней продукции одобряю: виноград, помидоры, персики, креветки, цыплят по-китайски, очень хорошее мясо. Не одобряю: колбасу (ненатуральная), хлеб (сладковатый), творог (cottage cheese) – несъедобен. Осторожно нужно относиться даже к выбору бутылочной воды (может давать меловый осадок). Прелести фастфуда (включая вездесущую колу) не стоит даже обсуждать. Кстати, вода из-под крана и в питьевых фонтанчиках очень невкусная – полна всяких обеззараживающих хлорных добавок.

В целом, некоторые виды американской еды – йогурты, хлеб, пирожные, – на вкус автора (известного сластены) избыточно сладкие. Зато здесь сбылась мечта Винни-Пуха – в университетской столовой вместе с бесплатными соусами, солью, майонезом и сахарином лежит мед !

Все цены на товары и услуги здесь объявляются "без налогов". То есть на самом деле к ценнику следует прибавить от 4% за продукты до 8% за промтовары, услуги и приготовленную еду. Все же при магазинных покупках это не дает большого изменения. Следующая ниже таблица даст представление об уровне цен. Для удобства сравнения с российской действительностью я пере-

вел здешние галлоны и фунты в килограммы и литры (которые здесь, кстати, нередко указываются, но не преобладают). Цены приведены для средних городских супермаркетов⁶, скорее для более дешевых разновидностей товаров.

продукт	ед.изм.	\$	руб
хлеб	буханка 450г.	2,6	65
рис	кг	2,6	62
макароны	пачка 450г.	1,4	34
творог	кг	3,7	89
молоко 2%	литр	1,2	29
йогурт	порция	0,75	18
сыр	кг	13,3	320
масло	кг	9,65	232
мясо без костей	кг	8	200
яйца	десяток	1,49	36
вода простая	литр	0,3	7,2
колбаса	кг	9,6	231
сосиски	пачка 450 г.	3,5	84
персики	кг	4,4	106
помидоры	кг	4,4	106
виноград	кг	3,75	90
сок	литр	1,21	29
вино	бутылка	10-15	240-360
корнфлекс	пачка 350г.	3	72
блюдо в столовой	порция	6,4	153
квартира	мес	940	22560
мебель (мин.)	мес	107	2568
электричество	мес (50 квт)	51	1224
электричество	квт	0,1	0,24
метро	1 поездка	1,5	36
парковка	день	3-5	72-120
бензин	литр	1	24
авиабилет	2 часа лета (т/о)	269	6000

Общий бюджет на месяц (квартира, еда, транспорт) представляется в диапазоне 1,8-2 тыс.\$.

⁶В загородных все *значительно* дешевле.

Милая реклама куриных окорочков: изображена печальная корова, привставшая на задние ноги, передние пристроены на изгороди и в них зажат плакатик: "Eat mor chick'n!".

Иногда подкупает правдивость надписей на продуктах. На банке с водой написано: "взята из водопровода города xxx". В составе хлеба, где-то месте на четвертом, – целлюлоза. На ветчине: "разбавлена водой".

Налоги

Налогообложение приезжих сильно зависит от их гражданства, так как регулируется двусторонними соглашениями. Для России оно максимально неблагоприятно – заметно хуже даже, чем для республик типа Киргизии, которые по бедности не стали заключать новое соглашение, а остались на условиях СССР. Достаточно сказать, что для россиян даже не действует стандартный налоговый вычет по семейному положению, в моих финансовых документах пишется *single*. Как результат (пока терпимый) – федеральный подоходный налог: 14% + налог штата 5%. Говорят, скажите спасибо, что с вас не взимают пенсионные отчисления (ура: я по каким-то параметрам не подхожу к их пенсионным программам) и прогнозируют, что вообще-то общий процент налогов у меня должен доходить до 25-27. Возможно, ситуацию удастся как-то сгладить при подаче налоговой декларации в будущем году – здесь декларация означает не уплату налогов, а возврат их части по смягчающим обстоятельствам (стоптанные в производственных целях башмаки и пр.)

Университет и кампус

Университет Georgia Institute of Technology (Georgia Tech, GT) – самый большой в городе и штате, но, конечно, далеко не единственный. Спектр изучаемых здесь дисциплин очень широкий – архитектура, электрические машины, радио, компьютеры, авиация и космонавтика, биохимические технологии, охрана окружающей среды, технология пищевой и бумажной промышленности, пресловутые нанотехнологии, психология, социология, и даже музыка. Последняя представлена технологическими аспектами – например, электронные инструменты или технологии звукового представления мира для слепых (как дать им представление, скажем, об аквариуме с помощью музыки). Хотя GT и не столь знаменит как Принстон, Гарвард, или Массачусетский техно-

логический институт, он известен в стране и высоко стоит в разных рейтингах, особенно среди технических вузов. Возраст GT – около 120 лет. Самый знаменитый выпускник – президент США (и Нобелевский лауреат, что почетнее) Джимми Картер. Осенью к космической станции стартовал очередной корабль (shuttle). Из семи членов экипажа трое – выпускники GT.

На 18000 студентов и 1000 преподавателей, что по порядку величины соответствует Петербургскому университету, годовой бюджет – миллиард долларов. Вопреки распространенным идеям, только 10% этой суммы составляет плата студентов за обучение, 25% субсидирует штат, а 40% – гранты и пожертвования (далее не уточняется). Кампус GT компактно занимает большую часть центральной Атланты (скажем, 15%) и продолжает понемногу захватывать окружающие кварталы (например, прикупил под общежития бывшую олимпийскую деревню, оставшуюся от Олимпиады 1996 г.). О его размерах можно судить по тому, что по территории ходят три специальных автобусных маршрута и еще один – подвозит из кампуса к ближайшей станции метро. Все они бесплатные. Местная техническая обслуга гоняет по кампусу на забавных крошечных специализированных электромобильчиках. Кампус выгодно отличается от остального города живописностью и если не продуманностью плана, то хотя бы однородностью застройки. На него не распространяется прямоугольная сетка улиц остального города, проезды внутри кампуса иногда достаточно извилисты. Кажется, это сделано нарочно – для большего контраста с унылым городом за пределами кампуса. Здесь почти не встретишь старых или заброшенных зданий или неприглядных парковок (Впрочем, здания парковок и здесь самые большие среди строений). Свободное от зданий и дорог место занято зелеными лужайками и красивыми деревьями, в том числе старыми и раскидистыми. Мое окно, например, полностью затеняла шикарная магнолия.

Здания факультетов перемежаются общежитиями fraternities/sororities⁷ соответственно для студентов и студенток – сравнительно небольшими домами вместимостью человек 50. Жить в таких условиях кажется привилегией и стоит недешево. Каждая fraternity имеет загадочное название из нескольких греческих букв, изображенное на фронтоне здания. Поскольку здесь студен-

⁷Эти сообщества или чисто местные, или являются частью национальных, имеющих отделения в разных университетах. По образцу масонских лож, у них полно ритуалов, есть своя форма одежды и т.д. Некоторые, но не все, организованы по национальному или расовому принципу (черные, еврейские и пр.). Излюбленный сюжет киношников и газет – ужасы и пытки, которым подвергают новичков. На самом деле это строго запрещено законом и уходит в прошлое.

ты не имеют однокурсников в нашем понимании этого слова, то население своего fraternity в каком-то смысле создает им постоянное человеческое окружение на время учебы.

Рядом со многими общежитиями небольшие спортивные площадки – для баскетбола или волейбола, причем последние непременно песчаные.

На окраинах кампуса есть и общежития более обычного типа (студгородок). Встречаются небольшие здания религиозных (христианских) миссий – католики, баптисты и т.д. Здания факультетов и служб выглядят достаточно новыми и ухоженными. По большей части они отделаны светлым или темным (те, что постарше) кирпичом. Здесь почти нет попытки, как в других местах, подражать архитектуре старинных британских университетов.

Бамбук. Сам по себе он здесь мало распространен. Но если студенты в кампусе желают устроить вечеринку с декорациями, то первым делом где-то закупается здоровенный грузовик бамбука. Из него в течение нескольких дней делаются изгороди, навесы, подмости, декорации, скрывающие дома и т.д. Могут еще и временный песчаный пляж соорудить, если нужна знойная атмосфера. Вечеринка проходит и все тут же исчезает как не бывало.

Одежда студентов соответствует погоде, то есть является пляжной (в пределах разумного) – шорты, футболки, рубашки с короткими рукавами. Из обуви, например, очень в ходу шлепанцы. Индусы вносят в это сочинское благолешие немного своего колорита – то пробежит девушка в сари, то прошествует сикх с чем-то черным капроновым на голове, заменяющим чалму. Преподаватели не ходят в шлепанцах, но надеть в школе математики галстук, безусловно, стало бы вызывающим поступком. Пожалуй, нормальная профессорская форма – джинсы и футболка. Все-таки можно обнаружить в кампусе и галстучно-пиджачную публику, представляющую школу менеджмента. Здесь есть и некоторое количество молодежи в военной форме. Но мне кажется это не военная кафедра в нашем понимании, а настоящие курсанты военно-инженерных специальностей, проходящие здесь часть обучения.

Животный мир представлен серыми американскими белками. Они скачут по многолюдным дорожкам как ни в чем ни бывало.

Каждый студент или преподаватель получает специальную электронную карту-бэдж и с ее помощью может делать разные полезные вещи – проходить в здания в неурочные часы, расплачиваться в столовой со скидкой, получить доступ к беспроводному интернету на территории кампуса и т.д. На карте есть фотография, образец подписи и магнитная полоса как у банковских карт. Собственно, на территории кампуса она и служит банковской картой (счет пополняется в специальной машине, принимающей банкноты).

В университетской жизни бросается в глаза обилие и активность не учебных и околоучебных служб и мероприятий. Визитеров и новых сотрудников подвергают трехдневной программе ориентации (отдел кадров) и еще одна программа специально предназначена для иностранцев (международный отдел). На факультете за каждую мелочь есть ответственный преподаватель – например, за организацию учебного процесса, за составление расписания, за подбор литературы. Бурная деятельность по подготовке осеннего семестра началась еще в марте. Впрочем, знаменитой американской деловитостью здесь и не пахнет. Большую часть моих ответов на запросы забывали учесть: запрошенные в марте учебники искать стали в августе, исправить программу курса в интернете поленились ("все равно ее никто не смотрит") и т.д. У моего соседа просто отобрали лекции за неделю до начала семестра и заменили другим курсом.

Многokrатно разрекламированные университетские учения по гражданской обороне (оперативное предупреждение об ураганах, торнадо и прочих ужасах): чахлая сирена и пробное извещение по электронной почте – найдено на следующий день в папке со спамом, куда его определил сам университетский сервер.

Здесь все помешаны на секретности личных данных. И на работе, и в частных домах стоят уничтожители документов – машины, с виду похожие и на почтовый ящик, и на мусорный бак. Документ вставляется в прорезь и перерабатывается по принципу мясорубки в какие-то мятые колбаски.

Стоимость обучения в GT 32000\$ в год. Однако для всех жителей штата и родственников сотрудников университета – 9000\$, что обеспечивает доступность обучения для среднего класса.

Футбол и университет

На территории кампуса находится здоровенный стадион (для американского футбола) и еще много разных спортивных сооружений. Это важнейший аспект здешней студенческой жизни. Вся официальная символика университета, его золотистые цвета и вездесущий символ (оса) происходит от формы футбольной команды, и злые языки не преминут сообщить, что реальная история университета начинается именно с ее создания. Они добавляют также, что щедрое финансирование штатом университетского бюджета основано именно на понимании властями общественной значимости футбольной команды. В день матча университет преобразуется. Во-первых, лужайки вдруг заполня-

ются разной посторонней публикой семейного типа. Она разбивает палатки, пьет колу, играет в нечто (брось мешочек с песком и попади в дырочку в лежащей доске) – наслаждается жизнью в ожидании матча. То ли это просто болельщики, то ли родственники студентов, и тогда это разновидность родительского дня в пионерлагере. Во-вторых, в такой день появляется нечто вроде дресс-кода. А именно, и стар и млад нацепляет университетские футболки, рубашки и платья. Для GT это нечто золотистое (оно же цвет формы местной команды). Остальное легко дополнит воображение болельщиков "Зенита" – всюду машины с флагами и флажками, музыка, свистульки и клоунские наряды группы поддержки. Болельщики противников тоже являются в своей форме, несоизмеримо меньшие числом, но бросающиеся в глаза, причем ни малейших стычек не происходит. В-третьих, в этот день владельцы университетских парковочных мест неподалеку от стадиона получают вежливую просьбу выкатываться к такому-то часу куда угодно. Их абонемент на этот вечер не действует. Оно и понятно – на любом недалеком пустыре в это время разовая парковка стоит 20\$, в 4 раза больше обычного, и университет зарабатывает на зрителях. Зато студенты, кажется, имеют бесплатные абонементы на игры, это входит в стоимость обучения.

О масштабах досуга легко судить по количеству собранного потом мусора (для этого есть специальная программа) – *тонна* консервных банок.

А вот история, заодно проливающая свет на отношение американцев к России. Цитирую по статье из студенческой газеты. В перерыве футбольного матча университетских команд принято устраивать театрализованные представления с обеих сторон. Это большие стадионные шоу с десятками (а может и парой сотен) исполнителей. На этот раз приехала команда, играющая в красных футболках, и ее группа поддержки решила оформить свое выступление под музыку Шостаковича, в духе советских парадов 30-х годов. В том числе был использован реквизит в виде красных знамен с серпом и молотом. Ооой! Поднялся и не утихал две недели страшный скандал и протесты с разных сторон. "Вы бы еще свастику сюда привезли!". Никакие ссылки на то, что это всего лишь бутафория, а не наглая пропаганда коммунистической доктрины, и что он не знал, что отношения с Россией вдруг ухудшатся (из-за Грузии), не помогли несчастному худруку, он получил от начальства приказ немедленно все эмблемы спороть. Хорошо еще Шостаковича пощадили – только потому, что он здесь известен как противник режима. В общем, как была Империя Зла, так и осталась.

Кстати, выход футбольной команды сопровождается явлением еще одного символа GT, именуемого "Ramblin' wreck". Буквально это означает что-

то вроде "самоходный металлолом", но в действительности является хорошо отреставрированным столетним автомобилем. Неблагодарное название, говорят, идет из тридцатых годов, когда выпускники и студенты много работали с дорожным строительством Южной Америки и насмотрелись там всякого хлама.

Спускаюсь однажды утречком в кампус с моста. Вдруг вдали на улице начинает виднеться что-то пестрое-таборное. Подхожу ближе – на тротуаре разбита палатка, в ней спит студент. Через пару метров – диван! Тоже со спящим студентом. Потом еще один, еще ... Догадались? Yes! Это очередь за билетами на футбол.

Особенности работы университета

Этот раздел написан по ходу трехдневной программы ориентации, которую рекомендуется пройти каждому новому постоянному или временному преподавателю GT. Сначала несколько слов о самой программе. Как и обычные студенты, преподаватели-участники программы имеют право сами определить, на каких занятиях им присутствовать. Но они должны заранее зарегистрировать свой выбор. Вот что мне показалось наиболее интересным.

- Занятия проходили не в классе, а в холле здания, участники сидели за столиками по 5 человек – как в столовой. Кстати и еда была тут же – и завтрак, и обед.
- Выступления молодых преподавателей, работающих 1-2 года и делившихся опытом. Хотя программа организована отделом совершенствования преподавания, все они сошлись на том, что преподаватели оцениваются прежде всего по их научным достижениям, а на преподавание необходимо тратить строго ограниченное время.
- Интерактивный характер некоторых занятий. Например, для знакомства каждый должен был вначале взять интервью (по определенному плану) у своего соседа. Еще: раздают страничку с описанием конкретной проблемы при проведении курса (на выбор: студенты не слушают, ..., делают плохие доклады, ... списывают, ... приходят с жалобами на других преподавателей,...) а участники программы за своим столиком должны обсудить положение, сформулировать, в чем проблема, и предложить решение.

- Практика "ланча с лектором". Все идут на обед, едят, а в конце еды вдруг появляется докладчик и делает сообщение. Причем это был не массовик-затейник, а в нашем понимании первый проректор.⁸
- Высокий уровень представительства докладчиков – все университетское начальство во главе с президентом. Наши-то небожители не снисходят.

Теперь о том из услышанного, что показалось интересным и необычным.

- Терминология названий высших должностных лиц. Первое лицо – президент, нанимаемый по конкурсу специальной комиссией с участием администрации, спонсоров и даже студентов. Далее идет провост (исполнительный директор), далее деканы школ (это соответствует нашим деканам факультетов, но относится скорее к руководству преподавателями и организации учебных программ) и декан по работе со студентами. Студенты, особенно младшекурсники, не приписаны к школам, а решают свои проблемы с этим деканом. Есть еще очень важные лица в принятии решений – регенты, они представляют интересы штата во всех вузах, где имеется финансирование с его стороны. Например, в таких вузах для студентов обязателен Regents test – общий по штату экзамен по элементарному владению английским языком.
- Свои университетские законы поведения (Honor Code), подкрепленные судом деканата и разработанным кодексом наказаний. Типичные преступления – пьянка и списывание (plagiarism). Преподаватели обязаны докладывать о всех случаях, а дальше разбирательство идет по установленной процедуре. Преподаватель *не может снизить оценку за списывание или выгнать студента со своего курса* – это самосуд! В подобных случаях он должен выставить в ведомость вместо оценки "вопрос отложен" и ожидать решения администрации.
- Секретность оценок. Согласно федеральному закону США, никто не вправе разглашать оценки студента без его согласия. Случается, родители здесь звонят преподавателю и просят рассказать об оценках своего

⁸В полную противоположность Франции, где время обеда священо и двухчасовой перерыв незыблем, здесь считается неудобным тратить время на ланч впустую и сплошь и рядом профессор и ученик занимаются своими формулами, обставившись коробками с сомнительной едой. Но это не мешает этим же самым людям назначать на девять тридцать утра еженедельную тусовку с бубликами в целях сплочения коллектива, а проректору устроить фуршет для новых преподавателей в 16 часов – когда всюю идут занятия.

ребенка. Преподаватель не вправе этого делать! Тем более нельзя раздавать, скажем, у всех на виду оценки за контрольную или домашнюю работу.

- Специальные правила послаблений установлены для студентов-спортсменов, ввиду важности спорта для имиджа университета. Деканат выдает им для представления преподавателям нечто вроде индульгенции, позволяющей пропускать некоторые занятия и даже переносить экзамены. Аналогично, специальные исключения делаются для студентов-инвалидов, и их тоже издает специальная служба. Не следует думать, что это обязательно инвалиды в нашем понимании термина! На втором занятии ко мне подошла милая толстуха, сидящая за первой партой и под расписку вручила мне справку о том, что она сильно нервничает во время экзаменов и я должен предоставить ей отдельное помещение и в полтора раза больше времени.
- Важную юридическую роль играет описание курса – syllabus. Он пишется преподавателем и должен быть вручен студенту на первом занятии. Помимо собственно программы курса, в нем прописаны правила контроля и оценивания (число контрольных и экзаменов, способы синтеза их результатов для выставления окончательной оценки), возможности внеклассных консультаций, оговаривается допустимость (или нет) коллективной работы студентов. Администрация подчеркивает, что этот документ – в своем роде контракт, обязывающий как преподавателя, так и студента.
- Обязательные консультации. Каждый преподаватель должен выделить в расписании время для внеклассных консультаций (office hours), когда к нему могут прийти студенты со своими вопросами. Обычно – два раза в неделю по полтора часа.

Сессия. Разумеется, проведение сессии в отсутствие учебных групп и сугубо индивидуальном наборе сдаваемых предметов не может быть организовано похожим на наш способ. Делается так. На всю сессию отводится одна неделя ("Жесть", скажет наша молодежь, и будет права). Подготовка якобы проводится в течение предыдущей недели (dead week). Но: в течение ее занятия вовсе не отменяются. Запрещено лишь проводить контрольные и опросы. На экзаменационной неделе устанавливается единое расписание на

весь университет – оно уместается на одном листке бумаги. То есть, например, по всем предметам, где курс читался во вторник и четверг с 12 до 13-30, экзамен будет проходить в той же аудитории, но, к примеру, в пятницу, с 16 до 18-30. (Сохранить для экзаменов обычное расписание нельзя, так как на экзамен отводится больше времени, чем на рядовое занятие. Зато экзамен один, а занятий по курсу в неделю два или три). В одном только получают студенты послабление. Если у человека 3 экзамена попали на один день (почему нет?), то средний из них объявляется "конфликтным" и переносится на специальный "конфликтный" день сразу после сессии. То есть конфликт между экзаменами, а не между студентами и преподавателями. Экзамены все письменные, само собой, и должны быть проверены в кратчайшие сроки. Оценки вносятся преподавателем прямо в компьютер, и дальше уже обрабатываются администрацией. Никаких зачетных книжек здесь, как и во Франции, нет.

Занятия

Особенностью здешних классов является то, что студенты сидят на индивидуальных местах – стульях с подставками для тетрадей. Так как классы переполнены, то двери всегда открыты во избежание духоты. В порядке вещей, если студент входит или выходит во время занятия. Зато в большом классе у меня практически не было ни одного звонка мобильного телефона. Слушают достаточно внимательно, а вот понимают не все. Здесь студенты сами выбирают, какие курсы слушать, и до середины октября имеют право бросить трудный или не понравившийся курс без оценки. У меня здесь было запланировано два курса. Каждый курс занимает 2 занятия в неделю продолжительностью 1 час 20 минут (чуть меньше нашей пары). Разделения на лекции и практические занятия нет, все проходит в режиме школьных уроков. Один курс, "Вероятность и статистика", условно говоря, для третьего курса (стадия undergraduate включает первые четыре года). Этот курс могут посещать как еще не специализировавшиеся младшекурсники (3-й, 4-й годы обучения), так и студенты постарше, которые почувствовали необходимость заполнить пробел в образовании. Размер класса формально, по числу стульев в комнате, 35 человек, но реально записалось 41 и еще многие заявки были отклонены несмотря на слезные просьбы допустить к занятиям. Вы будете смеяться – чтобы организовать еще одну группу, не хватает ни денег, ни места, ни преподавателей ... Зато этот же курс будет читаться в следующем

семестре и кто-то сможет тогда наверстать. С другой стороны, прогнозируется значительный отсев среди записавшихся – когда поймут, куда попали. Они могут безнаказанно покинуть курс до начала октября. В этой группе пара китайцев, 11 индийцев (включая девушек) и пестрая смесь американцев разного профиля с красноречивыми фамилиями – mr. Carone, mr. Caputo, mr. Smith, mr. Silva, ms. Bueno, mr. Laffleur, mr. Lauria, mr. Beck (этот последний немедленно передал мне изрядный список еврейских праздников, по которым он пропустит занятия). Девушки составляют примерно треть состава (сказывается инженерная специфика GT). Чернокожих студентов 2-3.

Я проделал с этой группой культурологический эксперимент. Дал на занятии задачу об Анчурии и спросил, кто знает, откуда это название. Все промолчали, кроме двух, которые сказали (верно), что это похоже на Манчжурию. Я всех пристыдил слегка, и на следующем занятии кто-то все же вспомнил (скорее, посмотрел в интернете) О.Генри.

Иногда межкультурная коммуникация дает забавные сбои. Дал задачу, где рассказывалось о злоключениях странствующего рыцаря и его коня. На следующий день поступает вопрос от студента-индуса: "так что, рыцари всегда странствуют верхом?". В другой раз была задача из медицинской статистики, сформулированная для "заболеваемости филателией"⁹. Смешки раздались, но не сразу и не очень уверенные.

Для проведения курса мне был выделен grader – студент-почасовик, в задачу которого входила проверка письменных домашних заданий. Это был абсолютно такой же новобранец, как и я, китаец с Тайваня, по-нашему пятикурсник, с одной маленькой разницей – не факт, что он сам прослушал подобный курс! Получал он сущие гроши (8\$ в час = 320\$ за семестр). Как говорила известная секретарша – за такие деньги можно только вредить.

Второй курс, специальный, предназначен для аспирантов (стадия graduate включает 5-й–8-й годы обучения, охватывает магистерские и докторские программы). Формально это курс высшей категории для сливок общества (8-й год обучения). Здесь у меня записалось 11 студентов. Из них 4 китайцев+вьетнамцев, с невыразительными фамилиями типа Нуу N. Huynh, 1 немец, 2 латиноамериканца, 1 индус, 1 русский (из Новосибирска), 3 англосаксонских американца, в том числе единственная девушка. На самом деле, возможно, многие из этой публики уже американцы не в первом поколении (немец и русский настоящие, импортные), но я не копал глубоко. Большин-

⁹Это цитата из переводной американской книжки "Физики шутят". Там изучение заболеваемости филателией упоминается как тема заявки на грант.

ство – аспиранты моих здешних друзей.

Указывать на обилие китайских студентов и аспирантов стало уже общим местом при описании американских университетов, и особенно математических программ, куда американцы идут менее охотно. Сейчас процесс вступает в следующую фазу. С одной стороны, передовой отряд уже дошел до стадии массового проникновения в преподаватели, их уже процентов 15. С другой – при столь массовом "заводе" неизбежно теряется качество. Все преподаватели говорят в один голос, что китаец пошел не тот, что давеча. То же относится и к китайским визитерам, которых явно особенно не отбирали, и просто позвали впрок для установления отношений. В масштабе университета GT уже давно имеет филиал в Шанхае (еще такие филиалы есть в Ирландии и, как ни странно, во французском Нанси). В бытовом плане некоторые китайские студенты отличаются повышенной экономностью – например, в столовую не ходят, а вместо этого стряпают в преподавательской. А иногда там же по-простому и вздремнут на диванчике.

У меня на факультете на удивление много знакомых, как "советских", так и американских, преподавателей и аспирантов, так что скучать не приходится и всегда есть с кем посоветоваться.

Диссертации по-американски. В ноябре мне пришлось поучаствовать как члену жюри в двух защитах диссертаций PhD. Эти защиты еще дальше отстоят от наших, чем европейские. По сути дела, полную ответственность здесь берет на себя руководитель диссертанта. Здесь нет не только стационарного ученого совета, но даже и официальных оппонентов (как во Франции или Германии). Жюри набирается из местных кадров, в общем и целом отвечающих тематике диссертации, и являющихся знакомыми руководителя. В нем может и не быть глубоких специалистов по теме работы. Приглашать людей из других университетов или стран (как в Европе) не считается обязательным. От членов жюри не требуют письменных отзывов, они в меру своего желания могут познакомиться с работой и дать советы по ее улучшению. Исправления текста после защиты не только не запрещены, но считаются необходимой частью процесса.

Факт защиты всего лишь служит завершением длительного четырехлетнего *учебного процесса*, дополненного научной работой. Диссертация, объемом около 150 страниц, может быть как очень хорошей, так и достаточно компилятивной. Публикации результатов к моменту защиты не требуются. Мне показалось, что для будущей судьбы аспиранта важен не столько факт присуждения степени и даже не состав жюри, сколько то, что напишет ему

в рекомендательных письмах руководителю.

Из сказанного можно сделать такой вывод – американская процедура более-менее гарантирует, что за многие годы учебы обладатель PhD овладел основами своей специальности в несколько большем объеме, чем средний выпускник СПбГУ (хотя надо бы еще внимательно сравнить), но она еще в гораздо меньшей степени способна обеспечить научную ценность и достоверность произведенных результатов, чем ее советско-российский аналог.

Это не то, что вы думаете ...

В заключение рассказа об Атланте небольшой словарь забавных американских слов и выражений:

theater	кинотеатр
playhouse	театр
directory	стенд с картой места
hot pot	разновидность чайника/кипятильника
valet parking	парковка, куда машину клиента загоняют служащие заведения
complimentary	только для клиентов заведения
sales galery	бюро по продаже квартир
meters	счетчик (времени на парковке или электрический)
gas	бензин
metro	метрополия – большой город с пригородами
MARTA rails (местное)	метро
hihowdoin'fine	эквивалент улыбке в адрес первого встречного на улице (негр.)
yellow jacket	разновидность ос, название местной футбольной команды и официальный символ Georgia Tech
SPAM	консервы "Завтрак туриста"
enforce	запрещать, ограничивать
chapter	региональный филиал организации
take care	Пока!
conflict day	день для сдачи отложенных экзаменов
concourse	сегмент аэропорта
benefits	пенсионные накопления с доплатой от университета
Transportation office	управление парковками
conductor	дирижер оркестра
cabinet	шкафчик
closet	встроенный шкаф, кладовка
plaza	что угодно (отель, площадь, торговый центр)

Поездка в Делавер

По случаю своего доклада я на три дня попал в университет штата Делавер¹⁰. Это один из самых маленьких штатов (второй от конца по величине), но он был в числе 13, основавших страну, и его подпись стоит первой по алфавиту в Декларации Независимости. Название штата, конечно, индейское, а границу его территории определяет большая река Делавер, впадающая в океан. Некоторые географические названия напоминают о том, что здесь когда-то селились шведские колонисты. Штат расположен на равнине, примыкающей к Атлантическому океану, несколько южнее Нью-Йорка (120 миль). Ближайший крупный город и аэропорт – Филадельфия, в часе езды (50 миль), и это уже другой штат (Пенсильвания). Расстояние от Атланты – два часа самолетом. В самом Делавере сколько-нибудь крупных городов нет. Интересно, что сухопутные границы штата геометрически правильны – две прямых и ... окружность в северной части.

Университет находится в городке Ньюарк (отличный поселок с тридцатитысячным населением). Студентов здесь много (порядка 20 тысяч, как и в GT) и профиль образования довольно широкий. Однако он несколько "заточен" под специфику экономики штата. Здесь сильная инженерная школа с химическим профилем (рядом большие заводы империи Дюпона), обширный факультет сельского хозяйства (это как раз край куриных ферм, снабжающих нас ножками Буша) и вынесенная на побережье школа морских исследований. В остальном – хаотический набор гуманитарных специальностей (занималась дюпоновская дочка музыкой – дала денег на музыкальную школу, жил по соседству богатый еврейский коммерсант – оставил денег на маленький центр гебраических исследований). Расовый состав студентов в кампусе гораздо более однородно белый, чем в Джорджии, с небольшими вкраплениями черных и азиатских лиц.

В эти дни проходило нечто вроде родительского дня, народ перемещался по улицам тройками – папа, мама и сын (или дочь) первокурсник. Интересно, что родители в такой день имеют право на посещение занятий (кажется, все же требуется согласие преподавателя). Но они также посещают с отпрысками и другие заведения. Нам пришлось просидеть час на местной Main Street в очереди в пивную, пока не освободилось место. Но уйти было нельзя, так как выпивка была халявной – по случаю моего приезда ее оплачивал департамент.

¹⁰Delaware

Университет никак не отгорожен от городка, просто он занимает значительную его часть. Университетские корпуса, и общежития, и факультеты, построены в одинаковом красно-кирпичном стиле, непритязательном, но достаточно приятном. Сам по себе городок представляет собой сетку прямоугольных улиц, застроенных сравнительно небольшими и довольно разными индивидуальными домами. Много зелени, красивые деревья (например, ореховые) и кустарники. Белки, белки, белки ... Все очень обжитое, нового строительства, в отличие от бурно меняющейся Атланты, нет. Кругом тишина, безопасность, и малолюдье. Вечерняя прогулка в таком месте – одно удовольствие. Вообще же оно идеально подходит для перемещений на велосипеде – все ровное, асфальт хороший, автомобили двигаются далеко не по всем улицам. Вся "жизнь" протекает на Main Street, такой же малоэтажной, но заполненной забегаловками (их насчитывается около 50) и магазинчиками. Есть маленькая железнодорожная станция, с которой в будний день (но не в воскресенье) можно доехать до настоящего города.

Мы проделали две часовых прогулки по местным лесопаркам. Это небольшой, но настоящий лес, расположенный близко от города, со своим лесничеством, взимающим 3 доллара с паркующихся машин. По лесу можно передвигаться не как попало, а только по специально проложенным тропам. Впрочем, при большом количестве кустов ежевики и других колючих кустарников другое даже и не приходит в голову. Конечно, я больше внимания обращал на грибы. Попадались в основном несъедобные, либо мелкие сыроежки. Но в одном месте все же подвернулся большой подосиновик. В лесу бегают косули, мы видели семейку из четырех штук. Раз в год на них охотятся (желающие должны купить лицензию и стрелять из какого-то дотошного оружия, которое бьет на небольшое расстояние и потому уменьшает риск несчастных случаев). В одном месте на ветке прямо в паре метров над тропинкой мы увидели что-то вроде большого черного птичьего гнезда. Пока обсуждали, что это такое, из него высунулась довольно большая мордочка, и стало ясно, что это не гнездо, а свернувшийся пушной зверек размером больше кошки. Он не счел нужным не только убежать от нас, но даже и отползти на более безопасную позицию. Из растительности в лесу стоят большие красивые деревья незнакомых мне пород, некоторые из них – ореховые. Много кустарников с разными ягодами – синими, каких у нас нет, и красными, внешне похожими на кизил.

После прогулок было устроен прием в доме моего старинного приятеля Wenbo Li, который живет прямо на опушке одного из лесопарков. Венбо жаловался, что частенько косули перепрыгивают через изгородь и наводят

беспорядок в его садике. Дом, надо сказать, напоминает маленький дворец, и показывает, как хорошо может жить успешный американский средний класс (Жена Венбо, Санни, тоже неплохо зарабатывает, а их единственный сын не только играл в хоккей, но и хорошо учился в школе – поэтому сейчас, когда он стал студентом-первокурсником в Лос-Анжелесе, большая часть затрат на его обучение покрывается стипендиями штата, и семья доплачивает сравнительно немного).

Стоит дом на крутом спуске от шоссе к лесу, поэтому планировка не совсем обычна. Всего есть три этажа, причем гаражи, кухня и столовая расположены на среднем. Нижний этаж используется для хозяйственно-спортивных целей, но его нельзя назвать подвальным, так как в сторону леса и сада выходят окна. На нижнем уровне расположен винный погреб, спортивный зал с тренажерами и боксерской грушей, но наибольшим успехом у гостей пользовался стол для пинг-понга с установленной на нем пушкой, против которой можно играть и отрабатывать удары. Пушка настраивается четырьмя ручками, определяющими силу удара, частоту вылета шариков, степень подкрутки и ширину сектора обстрела. Пушка "играет" довольно неплохо и мне потребовалось некоторое время, чтобы по крайней мере научиться отражать ее удары. На верхнем этаже дома расположены спальни и хозяйский кабинет для работы. Разумеется, у каждого члена семьи своя машина, в том числе есть машина отсутствующего сына, которую он водит с пятнадцати лет – с условием заработать на бензин (мальчик подрабатывал хоккейным судьей на детских соревнованиях).

На приеме была пестрая факультетская компания – хозяйева, еще одна китайская семья, преподавательница родом из Германии с американским мужем и маленьким сыном, мы с моим бывшим аспирантом Владом, который после защиты приехал сюда поработать на год или два¹¹ и индийский профессор с женой и девятилетней дочерью. Последние были одеты в красивые индийские одежды и интересовались, не можем ли мы научить их русским народным танцам, так как они увлекаются такого рода вещами. Было много вкусной еды – около десятка блюд, в том числе жареные угри, мясо поросенка на косточках и разные салаты с тофу (специально приготовленное "соевое мясо"). В конце выпили жиденький желтый чай, к которому прилагались очень сладкие азиатские пирожные и пресноватый пудинг.

В аэропорту пришлось столкнуться с полным отсутствием "человеческой" регистрации. Если на пути туда все сошло, так как я еще дома получил

¹¹visiting assistant professor

посадочный талон в интернете, то здесь по случаю воскресенья такой возможности не было и пришлось регистрироваться в автомате, в том числе предъявлять ему свой российский паспорт! Как он понял, что я это я, осталось загадкой.

В то время как дорога из Атланты в Ньюарк проходила в спешке и темноте, обратный путь был интересен и приятен. Первым этапом была поездка в аэропорт на заказанном в интернете "Делаверском экспрессе", который оказался просто хорошей легковой машиной, собиравшей своих трех пассажиров у них дома. Поскольку я оказался первым, то получил бесплатную автомобильную экскурсию по окрестностям. Хотя водитель сказал: "Ну, эти парни тут совсем неподалеку", мы почти полчаса раскатывали по разным холмам и красивым поселкам. Делавер, в этой части, оказался не таким уж и плоским. На обратном пути удалось разглядеть и реку Делавер, большой водный поток, где даже вдали от устья смешана вода моря и реки и бывают небольшие приливы. Вдоль реки располагается всякая промышленность. Разговорчивый водитель сказал, что он возит пассажиров из Делавера в диапазоне от Нью-Йорка до Далласа (в Техасе!), а на Филадельфию (Филли) уже и смотреть не может, настолько она ему надоела. Кстати в квитанции, которую я от него получил, было указано отдельно, что из заплаченных 45\$ шесть – чаевые водителю. Полет из Филадельфии проходил в солнечную погоду, рядом с нами были супер-красивые ватные горы облаков, а в просветах прослеживался меняющийся американский пейзаж – то индустриальный, то загородный (но не сельский), то зеленые пустынные горы. Думаю, это были Smoky Mountains, куда мне еще предстояло вскоре отправиться. Над пригородами Атланты мы летели на полной скорости едва ли не полчаса, такие они обширные, а при посадке смогли полюбоваться и центром города с его небоскребами. Интересно, что с самолета они выглядят тесной кучкой, хотя на самом деле расположены на больших расстояниях и даже в разных районах.

Поездка в Ноксвилл

По приглашению своего старого знакомого Яна Росинского я на четыре дня отправился с докладом в Ноксвилл, где расположен Университет штата Теннесси (University of Tennessee). Мы поехали туда с Надей.

Ноксвилл – один из трех крупных городов штата Теннесси, расположенного к северу от Джорджджии. Расстояние от Атланты – приблизительно триста

миль (час полета на самолете). По неизвестным причинам цена авиабилета до Ноксвилла была чудовищно высока (\$550), поэтому пришлось ехать на автобусе (\$70 туда и обратно). Это заняло почти пять часов, но зато получилась дополнительная экскурсия по северной Джорджии и югу Теннесси. Это была первая поездка на дальнем автобусе, и это вызывало некоторое беспокойство, так как компания (Greyhound), продавая билеты на определенный день и час, все же намекает, что всем мест может и не хватить. Но все обошлось. Посадка в автобус производится похоже на самолетную. Нужно сперва зарегистрировать багаж и получить специальную бирку. Потом пассажиры выстраиваются в очередь у двери автовокзала и по команде выходят к автобусу. В нашем автобусе было занято меньше половины мест, так что проблем не возникло. Сам по себе автобус очень удобный, с большим расстоянием между креслами и хорошей вентиляцией. При высокой крейсерской скорости на автостраде он идет очень ровно, без торможений и рывков. В пути было пять небольших остановок, из которых мне были знакомы названия Мариэтта и Чаттануга. Мариэтта – это город-спутник Атланты, известный авиационной промышленностью концерна "Мартин-Мариэтта" (куда идут работать выпускники GT и который, кажется, уже давно поглощен Боингом). Откуда я слышал про Чаттанугу, не могу сказать, очевидно какая-то музыкальная ассоциация. Был еще Кливленд, но это конечно, "не тот" Кливленд, и даже на маршруте этого автобуса их должно было быть два – в разных штатах. Автобусные станции по дороге более чем скромные – то остановимся просто на стоянке у Макдональдса, то у какой-то перегрузочной конторы (этот же автобус используется для перевозки посылок), то у маленького здания, принадлежащего самой компании. Конечная станция в Ноксвилле имела нормальный размер, но зато расположена в жутком депрессивном районе, среди пришедших в упадок останков старой промышленности. Нормальные люди там не бывают.

Приблизительно час мы выбирались из пригородов Атланты, а затем пейзаж стал более холмистым и пустынным. Много деревьев (сосны и лиственные породы), но они не образуют лесных массивов, так как изрезаны автострадами, шоссе, линиями электропередач. А вот ферм и полей почти не попадает. Только ближе к Ноксвиллу паслись два или три стада молочных коров на сырной ферме. Жилье при удалении от метрополии становится значительно скромнее, в отделке преобладает уже не кирпич, а сайдинг. Пока автобус стоял в Чаттануге, можно было разглядеть примыкающий к остановке поселочек. Он состоял из вытянутых зданий, которые вполне можно назвать бараками. Трудно даже сказать, временное это жилье или постоян-

ное. Сооружение подобного типа мы видели на автостраде. Его в собранном виде вез куда-то тяжелый грузовик.

Жилье, в котором мы оказались по прибытии, смело можно назвать уникальным. Это частный маленький двухэтажный жилой дом, сравнительно старый (1924 г. постройки), постепенно оказавшийся на территории кампуса. Он используется одновременно и как гостиница (на три комнаты), и как музей антикварной американской мебели. Организаторы этого проекта стараются, чтобы вся мебелировка дома состояла из вещей, сделанных до 1840 года. Поэтому спать приходится на кровати, приподнятой от пола на метр и имеющей по углам четыре высоких столба, очевидно, для балдахина. Кругом все хрупкое, старинное – кресла, комоды, часы, каминная кочерга в форме тарелки, чугунные дверные замки и задвижки, фотографии хозяев на стенах. Есть, конечно, и электричество, и горячая вода, и плоский телевизор. Не хватает только интернета.

Кампус университета расположен в излучине реки, поэтому он почти не сообщается с остальным городом, хотя и находится недалеко от центра. Местность здесь неровная, так что единого впечатления не создается, тем более что в нескольких местах кампус разрезан улицами с большим автомобильным движением. Здесь есть гигантский футбольный стадион на сто с лишним тысяч мест; когда проходит матч, нормальная жизнь города прекращается, полиция в полном составе выкатывает на улицы, чтобы хоть как-то разрулить пробки, и это ей удается сделать лишь к ночи. Очень интересно здание математического факультета. Оно расположено на самом высоком холме и имеет форму готического замка с высокой центральной башней. Внутри же оно скорее напоминает немецкую гимназию – широкие коридоры со школьными классами по бокам, светлые стены и темное дерево отделки. Заметно, что около ста лет здесь ничего не менялось. В ближайшее время планируется капитальный ремонт.

В день приезда нас повели на симфонический концерт. Местный оркестр играет "всего Чайковского", и на нашу долю выпала пятая симфония и два мало известных произведения – увертюра "Гамлет" и вариации на тему рококо для виолончели с оркестром. Музыканты играли очень профессионально, и полный зал, вмещающий несколько тысяч зрителей, в конце каждого отделения приветствовал их стоя. Но при этом ни одной ноты на бис сыграно не было. Концерты здесь проходят в зале, который в начале XX века был большим кинотеатром и сохранил соответствующую отделку в мавританском стиле – сплошная золотая краска по стенам и потолку, завитушки, ложные окна с колоннами и прочая имитация Альгамбры. В общем, крупномасштаб-

ный китч.

На следующий день состоялась поездка в горы "Smoky Mountains". Это единственный большой национальный парк на востоке страны, поэтому сюда едут отдыхать из очень многих штатов востока и центра США. Всего около десяти миллионов посетителей в год, больше, чем в любом другом месте. Именно на осень приходится один из пиков посещаемости, потому что здесь это самое красивое время года. И действительно, это стоило увидеть. Горы – широкая абсолютно пустынная территория на стыке трех штатов (Теннесси и двух Каролин) – имеют умеренную высоту (не больше трех километров, а в среднем около двух) и потому полностью покрыты лесом, большей частью лиственным. Осенью одни деревья (клены) горят красным и розовым цветом, другие – желтым, а многие остаются зелеными. Получается, что уникальный сам по себе горный пейзаж еще и раскрашен самой природой.

Мы выехали из Ноксвилла не очень ранним утром и направились по равнине в сторону гор. По дороге особенно обращали на себя внимание многочисленные группы байкеров, двигавшиеся в том же направлении. Это забавные, часто немолодые люди, вид которых всем знаком по кинофильмам, – кожаная одежда поверх нормальной и большие никелированные мотоциклы HD. В отличие от своих кино-аналогов никакой угрозы они не излучают, а вызывают некоторое умиление, как исчезающий вид зверей.

Нашей первой целью была ближайшая гряда холмов, а точнее, специальная наблюдательная площадка, расположенная выше крон деревьев, но построенная с учетом возможности заезда на инвалидной коляске. Сверху открывался вид на оставленную позади равнину. Он соразмерен с тем, что можно увидеть во Франции со склонов Вогезов. Но если там в долине видны жмущиеся друг к другу дома городков, то в Америке всюду стоят разбросанные отдельные строения разного, но непонятного назначения.

Полюбовавшись панорамой и сфотографировав первые пестрые заросли, мы отправились вглубь горной системы и въехали собственно в национальный парк. Дорога без особой цели шла вверх, петляя по руслу небольшой речки. Проведя несколько минут в центре для посетителей (там есть небольшой музей животного мира и растительности, а также можно запасть сувенирами), мы отправились дальше, оставили машину на стоянке у дороги и двинулись пешком вверх по тропе. Время шло к вечеру, и мы могли отвести на это только два часа, хотя, конечно, хотелось бы больше. Когда двигаешься пешком, становится еще более заметно, что склоны ущелья довольно круты, так что отклониться от русла речки практически невозможно. Да и вокруг тропы заросли выглядят непроходимыми. Из растений выделяются высокие

кустарники рододендрона, которые, говорят, красиво цветут весной. А сейчас нам достался очень свежий воздух, а в некоторых местах резкие сладковатые запахи каких-то растений. Русло речки, вдоль которого мы двигались, представляло собой нагромождение больших и средних камней, между которых пробирались струи воды. Ее уровень был необычайно низким для этого времени года. Почва здесь очень каменистая. Иногда попадаются светлые камни, напоминающие о том, что вблизи Ноксвилла добывают мрамор. Иногда, наоборот, черные слоистые сланцы. Мы закончили свой поход, пройдя под забавной природной сланцевой аркой по вырубленным из того же сланца ступенькам. До вершины (в этом месте 2.5 км) оставалось еще далеко, но нужно было двигаться вниз. Кстати, на тропе было очень многолюдно, нам то и дело приходилось здороваться со встречной публикой всевозможных возрастов, кроме младенцев и совсем уж дряхлых стариков. Возвратившись с прогулки, мы отправились на машине дальше вверх и успели полюбоваться панорамой гор в свете заходящего солнца, да еще заодно ступили на территорию соседнего штата – Северной Каролины. В полной темноте отправились обратно в Ноксвилл, и тут нас подстерегала неожиданность – на горном шоссе мы попали в городскую пробку. Так много народу спускалось в это время по узкой дороге, что скорость падала до 4-5 миль в час. В таком темпе мы двигались больше часа, пока не добрались до ближайшего городка Гетлингсбурга у подножия гор.

Обстановка вокруг оказалась неожиданно праздничной и оживленной, как если бы мы попали в какой-нибудь Диснейленд. Всюду толпы народа, часовые очереди у входов в многочисленные рестораны и кинотеатры, очень много стандартных детских аттракционов, американских горок, трасс с ужасами и прочего в том же духе. В принципе, нет даже необходимости ехать в горы, ради которых сооружены десятки местных отелей – можно развлекаться и на равнине!

Ноксвилл. Следующим утром мы прогулялись по центру города. Он был когда-то основан поселенцами как укрепленный форт для защиты от индейцев и стал первой столицей штата (сейчас это Нэшвилл). Во время гражданской войны несколько раз переходил из рук в руки и запомнился безуспешной осадой южной армией закрепившихся на высотах северян. Развитая когда-то промышленность пала жертвой кризисов и глобализации, о ней напоминают только руины промзоны. Все же город удалось оживить и привести в порядок по случаю всемирной выставки (ЭКСПО), которая проходила здесь лет двадцать назад. От нее остался просторный парк с водопадами, фонтанами, и статуей Рахманинова, который здесь много раз бывал и дал свой послед-

ний в жизни концерт. О выставке напоминает и высокая смотровая башня, увенчанная площадкой в форме золотого шара. С нее мы отлично осмотрели весь город и реку, убедились что центр совсем крошечный, это 5-6 кварталов в длину и ширину, занятых церквями, почтой и разными федеральными и местными инстанциями. Ну и, конечно, самые импозантные здания принадлежат банкам. Мы обошли все это очень быстро и в очередной раз удивились пустынности воскресных центральных улиц. Затем направились к реке и полюбовались ей с середины моста. Река Теннесси широкая как Нева, кажется полноводной и спокойной, вода в ней зеленого цвета, а оба берега довольно высокие. Поэтому мосты перекинуты на большой высоте, не создавая помех судоходству. Впрочем, никакого движения судов заметно не было, у берега швартовались только несколько плоскодонных прогулочных катерков. Набережной как таковой нет, ее заменяет отрезанный от города автострадой маленький парк с причалами для катеров, красивыми фонтанами ... и железной дорогой. На рельсах стоит умеренно старинный поезд, и дважды в день на нем можно совершить часовую экскурсию. Настоящего вокзала в городе нет.

На самом деле спокойствие реки обманчиво и нрав ее был достаточно крут, пока в тридцатых годах ее не зарегулировали с помощью искусственных озер и плотин электростанций. Организация, которая всем этим занимается, и есть главное предприятие Ноксвилла. Кстати, благодаря избытку электричества здесь неподалеку (в Окридже) был размещен знаменитый завод по производству урана для первых атомных бомб. Научная лаборатория там до сих пор работает и сотрудничает с университетом.

Вечером мы отправились в гости к Яну. По дороге заехали в классический американский гипермаркет Walmart и поняли, почему Америка считается дешевой страной. В загородном гипермаркете все значительно дешевле, чем в городских магазинах. Разница цен может достигать 60%. В частности, здесь много одежды по совершенно бросовым ценам. Увы, у нас не было времени предаваться шопингу. Жена Яна, Ванда, работает в университетской библиотеке и одновременно получает второе высшее образование по информационным технологиям. Поэтому ей было некогда готовить парадный ужин и они позвали нас в "типично местный" ресторан Calhoun's (название напоминает Майн Рида). Там нас угостили местным деликатесом – мясом поросенка на ребрышках (ribs). Хорошо, что предупредили взять пол-порции, это уже была здоровенная тарелка. Полную порцию без вреда здоровью нам явно было не потянуть. Обстановка в ресторане была приятная, народ был, но места было много и не нужно было перекрикивать соседей. Официантка безотказно

фотографировала нашу компанию столько раз, сколько ее об этом просили.

Покончив с ребрышками, мы отправились в гости к Яну. Его дом расположен в получасе езды от города и университета, в тихом кооперативном закоулке. Кооператив имеет общие теннисные корты и открытый плавательный бассейн и состоит из нескольких десятков богатых каменных домов различной планировки. Дом Яна отличается отсутствием второго этажа (по желанию хозяев) и соответственно очень высокими потолками, над которыми размещается большая кладовка. Крыша покрыта местной разновидностью черепицы, сделанной из горного сланца. Вид бледноватый, но зато такая крыша очень долговечна. За домом расположен сравнительно большой участок земли, примерно 20 на 40 м., занятый стриженным газоном. Было когда-то одно дерево, но засохло. Такие же газоны и за соседними домами. Поскольку заборов нет, всё вместе образует подобие луга. Сам дом очень светлый, просторный, увешанный разнотипной польской живописью, так и хочется назвать его дворцовым павильоном. Единственный сын хозяев давно покинул дом, живет в Аризоне, дает уроки игры на гитаре, рекламирует это искусство в магазине музыкальных инструментов и сам играет в нескольких группах.

Обратная дорога в Атланту проходила в темноте и обошлась практически без приключений, хотя я все время неумышленно нарушал какие-то мелкие правила поездки, например, сам поставил сумку в багажное отделение. По правилам, я должен был бросить сумку на землю у входа и лезть в автобус занимать место. Если это удастся, и я не выйду назад, то специальный бросальщик зашвырнет сумку в автобус. Если же мест нет, меня выгонят из автобуса и я смогу забрать свой непогруженный багаж. Вариант, при котором я захожу в автобус, а стоящий рядом вор уносит сумку, в этой системе не предусмотрен.

Поездка в Миссури

Очередное путешествие привело нас в штат Миссури, расположенный ближе к середине страны. Точнее, предстояло посетить два города – Columbia и St.Louis. Самолет за полтора часа без проблем доставил нас из Атланты в Сент-Луис (направление полета – северо-запад). Сам Сент-Луис мы в этот раз не увидели, а прямо из аэропорта отправились на заказанной по интернету маршрутке в Коламбию. Дорога, по которой мы ехали, идет с востока на запад, пересекает весь штат и заканчивается где-то на западной его границе с Канзасом, а Коламбия расположена как раз посередине. По мере

того как мы удалялись от Сент-Луиса, пейзаж становился все более сельскохозяйственным, нас окружали поля пшеницы, кукурузы и каких-то других неизвестных злаков. Несмотря на позднюю осень (начало ноября) уборка урожая еще была далеко не закончена. Миссури вообще сельский штат, но здесь поля еще имеют привычный для России средний размер, они перемежаются холмами, речками, поселками и перелесками. Стадо коров мы видели всего один раз, причем все животные были, как одно, одинакового размера и цвета. В отличие от Джорджии, где много вечнозеленой растительности, деревья в Миссури по большей части уже сбросили листву и пейзаж за окном был типично осенним. Да и день выдался совершенно облачным.

Дорога заняла два часа и привела нас в гостиницу с поэтическим названием Stoney Creek Inn¹² на окраине Коламбии, главного университетского центра штата. Здесь у меня был доклад в университете (University of Missouri Columbia). Интересно было познакомиться с городом, который, по мнению статистиков, является вторым по качеству жизни в США. Забегая вперед, скажу, что мы так и не поняли, на чем основана такая высокая оценка.

Сначала, однако, нужно было освоиться в гостинице. Это был первый опыт, так как в Ньюарке я жил в частном доме, а в Ноксвилле мы попали в уникальную музейную обстановку. Оформление гостиницы оказалось довольно необычным – всюду изображения и чучела животных (медведей и лосей), а для интерьеров часто используется необструганое дерево (из него, например, сделаны стулья). На стенах в коридоре и залах висят разные старинные предметы, в том числе, древние теннисные ракетки, плетеные веревочные лыжи и столешницы, кажется, одновременно предназначенные для игры в шахматы и бильярд. Мы сперва удивились, как связаны лоси с окружающей природой, а потом поняли, что наша гостиница – это растиражированная по стране копия какой-то другой, гораздо более северной гостиницы, стоящей в заповеднике, где лоси действительно водятся. Поскольку гостиница на стеснена окружающими постройками, то все помещения, включая номера, очень просторные. Оборудование современное и удобное, например, у нас были утюг, фен и кофеварка. Меня особенно порадовал беспроводной интернет, а Надю – большое зеркало. Впервые за три месяца в Америке был под рукой и телевизор, но здесь ждало разочарование – на 72 каналах показывали какую-то страшную ерунду, по большей части рекламную, – ее было едва ли не больше, чем в России. Пользование гостиницей однозначно предполагает наличие автомобиля, так как поблизости ничего нет, как нет и

¹²Постоялый двор у каменистого ручья

общественного транспорта. Мы все-таки смогли найти дорожку к ближайшей закусочной, но дальше ковылять по обочине шоссе уже не хотелось.

Вечером прошел мой доклад. Кажется, ни одного настоящего американца на нем не было. Публика состояла из троих выходцев из Петербурга и нескольких китайцев и корейцев. Состоялась трогательная встреча с Костей Макаровым, который был моим товарищем по кружку (спецкурсу по статистической физике) университетских времен. Мы не виделись с ним буквально тридцать лет и три года, но легко узнали друг друга.

Продолжением семинара стал ужин в ресторане французской кухни с "соответствующим" названием Churchill's. Как здесь говорят, этот ресторан "полуформальный", то есть официанты ходят в смокингах и бабочках, а посетители – в чем попало. Расположен он на задворках придорожного торгового центра – при всех претензиях заведения на рафинированность более почтенного места в Колумбии просто нет. Я был очень доволен, что названия всех блюд были французские, мне так гораздо понятнее. Ресторан довольно дорогой (блюда от 27\$, а ужин в целом обошелся примерно 45\$ на человека), но платил за это университет (кроме вина), а пили мы немного. Впрочем, говорят, что и вино можно было бы протащить через бухгалтерию, если обосновать необходимость выпивки для укрепления научных контактов. В цену ужина явно входили демонстрации кулинарного искусства. За соседними столиками то и дело поджигали спиртовое оформление десерта, а когда мы заказали рыбу, то явился метрдотель с тарелкой, на которой лежали очищенные от чешуи тушки и на наших глазах торжественно самолично отделил мясо от костей. Мы хорошо посидели там впятером питерской компанией, без необходимости переходить на английский.

На следующий день за нами заехал наш "опекун" Саша Колдобский и мы отправились на прогулку к реке Миссури, протекающей в полутора десятках миль от города. Видимо, строить город на низком берегу прямо у реки было невозможно из-за частых разливов и подъемов воды. Действительно, река достаточно широкая и несет свои мутные воды с достаточно большой скоростью. Глубина ее недостаточна для судоходства, и за все время мы видели только одну моторную лодку. Северный берег очень низкий, затопляемый, там ничего не строят. По южному берегу, наоборот, проходит высокая гряда скал, а между скалами и водой проложена удобная дорога для пеших и велосипедных прогулок. Она идет по насыпи бывшей железной дороги на сотни миль (!) из конца в конец штата. В скале, нависающей над дорогой, иногда попадаются углубления и небольшие пещеры. Вообще, пещеры – типичная достопримечательность этого штата. Не случайно Том Сойер блуждал по пе-

щере – ведь Миссури – родина Марка Твена. По дороге мы видели грустные поникшие осенние виноградники и проехали мимо винодельческого завода. Было странно видеть, что виноград может расти в краю, где бывает такая погода. Стоял настоящий зимний холод, дул ледяной ветер, так что экскурсия не затяннулась сверх меры.

После загородной прогулки мы отправились обедать в китайский ресторан-буфет "Great Wall". Этот обед стал приятным сюрпризом. Там за 8 долларов можно было есть любых блюд до отвала – три супа, несколько видов курицы, утку, мясо, китайские пельмени, креветки, лапшу, картошку, рис, дыни, ананасы и пирожные! Качество тоже было на достаточной высоте. Среди публики было заметно много азиатских лиц, наверное, их тоже эта версия китайской еды устраивала. Сделав три захода к стойкам с едой, мы просто спасались бегством от самих себя, сохраняя остатки здоровья!

Изрядно подкрепившись, мы походили по центру города. Надо сказать, что там, кроме кампуса, смотреть практически нечего. Центр представляет собой пару улиц, застроенных безликими низкоэтажными домами. А остальная одноэтажная Коламбия расползается от него во все стороны по равнине на десятки миль кругом, вперемежку с вездесущими придорожными торговыми центрами. Университет здесь очень большой (более 30 тысяч студентов), соответственно велик и кампус. Построен он из красного кирпича, как обычно, с элементами готической архитектуры (арки, башни, ...). Главное здание увенчано круглым куполом в духе европейских соборов. Дома похожи на те, что можно было увидеть и в других поездках, но они заметно крупнее, чем, например, в Делавере. Поскольку промышленности в штате очень мало, то неудивительно, что гордостью университета является лучший в стране факультет журналистики.

Как водится, мы попали в город в день футбольного матча, и весь штат съехался по этому случаю в Коламбию. Это очень затруднило наши перемещения, но зато придало некоторый колорит улицам и нашей гостинице, так как весь народ был в цветах клуба Missouri Tigers (естественно, черном и желтом). Почему-то здесь принято произносить "Мизури", и на куртках болельщиков так и пишут "Mizzou". Возможно и штат когда-нибудь переименуют ...

На следующий день утром мы вернулись в Сент-Луис, который вынуждены были проигнорировать на пути в Коламбию из-за недостатка времени. Прежде чем говорить о городе, имеет смысл сказать о людях, которые нас там принимали, тем более, что научных целей этот визит никак не преследовал (в Сент-Луисе два больших университета, но вероятностной научной

школы там нет). Итак, в Колумбию за нами приехали из Сент-Луиса Гриша Офман и его жена Люба. Гриша – мой старинный друг и товарищ по работе в "Ленэлектронмаше", известной когда-то в Ленинграде конторе, куда нас обоих распределили после учебы и где мы провели около восьми лет (но это уже история СССР ...). Достаточно сказать, что за первые пару лет мы с Гришей сыграли в обеденные перерывы несколько сотен партий в шахматы и изрядно повысили тогда свою квалификацию. Работали мы в маленьком отделении, на отшибе, где все на виду и знают друг другу цену. Гришу там все любили за добрый характер.

Но Гриша с семьей вот уже почти двадцать лет живет в Сент-Луисе. По приезде в Америку ему пришлось очень нелегко. Будучи по профессии программистом, он (возможно, по свойственной ему скромности) долго не мог найти работу, подрабатывал то курьером, то помощником продавца в магазине. Но в конце концов устроился по специальности в маленькую компанию и работает в ней уже много-много лет. В отличие от моих университетских знакомых, над ним и его женой постоянно висит угроза увольнения, а все деньги до сих пор уходили на образование детей. Сейчас они выросли, рано обзавелись семьями и живут отдельно. Сын работает в Италии программистом, а дочь в Сент-Луисе и доучивается на врача. Гриша, Люба и кот Моцарт остались одни в маленьком домике на окраине города.

Итак, Гриша с Любой не поленились проделать длинный путь между двумя городами (два часа быстрой езды в один конец), только, чтобы удлинить немного наше общение. Время в пути по уже знакомой дороге пролетело незаметно, и вскоре мы могли сходу начать знакомство с их любопытным городом.

Сент-Луис стоит на Миссиссиппи несколько ниже места ее слияния с Миссури, на самой восточной границе штата Миссури. За рекой, на восточном берегу, уже другой штат – Иллинойс. Это не мешает оживленному движению транспорта (включая метро) по многочисленным мостам через Миссиссиппи. В Иллинойсе расположен Восточный Сент-Луис, скопище трущоб, а также небольшой аэропорт, на месте бывшей военной базы. Вся же нормальная жизнь протекает на западном, миссурийском берегу.

Первым делом мы направились в ботанический сад, которым мог бы гордиться любой город. Тут были и первоклассные оранжереи с водопадами, и непередаваемой красоты японский сад с традиционным прудом и красными рыбками, и всевозможные виды американских дубов, кленов и сосен. Например, одно из деревьев играло в это время года четырьмя нежными цветами – желтым, коричневым, зеленым и розовым. Это надо видеть своими

глазами (хотя бы в интернете!).

Перекусив в простенькой, но симпатичной вьетнамской закуской, мы направились к следующей достопримечательности – бывшему железнодорожному вокзалу Union Station. Это циклопическое сооружение напоминает об эпохе девятнадцатого века, когда железные дороги значили в жизни страны больше, чем теперь самолеты. А еще его ребристая крыша представилась мне скелетом выброшенного на берег гигантского кита. В Германии тоже есть очень большие вокзалы, скажем, в Лейпциге, но этот был еще больше. Теперь на месте рельсов располагается пруд, а в нем плещутся ждущие кормежки красные рыбки той же породы, что и в ботаническом саду. Корм можно купить тут же в нехитром механическом автомате – сунул в отверстие квотер, повернул ручку и на ладонь сыплется горсточка похожих на перец зерен. В более теплое время года на пруду можно даже покататься на катамаранах и лодках. Рядом стоят в качестве декорации несколько вагонов и еще кое-какая железнодорожная техника. Ближе к зданию вокзала, в центре комплекса, расположены в два этажа торговые ряды, а само здание переделано в фешенебельную гостиницу. Мы поднялись на второй этаж и заглянули в бывший зал ожидания – огромное помещение с сохранившейся красивой отделкой времен постройки вокзала. Теперь там ресторан и играют свадьбы.

В течение дня по дороге можно было из машины бросить взгляд на улицы Сент-Луиса. Они очень разные. Например, мы видели ряды красных кирпичных двухэтажных домов, примыкающих друг к другу, со спрятанными маленькими садиками позади них. Это в точности принцип фламандских улиц, хотя архитектура самих домиков иная. В самом центре – прямоугольная сетка серых пустых улиц с безликими офисными зданиями. В некоторых районах, особенно у автострад, сгрудились красные кирпичные руины промышленных предприятий. Никто не удосужился снести их и построить что-то новое, хотя речь идет о территории совсем рядом с центром города. Америка страна большая, места много. Когда-то Сент-Луис конкурировал с Чикаго за право стать индустриальной столицей Америки, но борьбу эту проиграл и последовали долгие годы упадка ... Еще одним роковым промахом стало разделение города и окружающего его графства. Тогда сельское графство было бедным нахлебником богатого города, и он счел за благо от него избавиться. Но в двадцатом веке обеспеченные жители стали селиться именно за городом, в графстве, и их налоги перешли туда же, а город остался ни с чем.

В наступающих сумерках мы двинулись из центра на периферию. По до-

роге бросили взгляд на кампус Университета имени Вашингтона (с не очень почтенным прозвищем Wash U). Все та же стилизация элементов под готику и кирпичные здания. К сожалению, у нас не было времени на настоящий осмотр. Зато мы успели заглянуть в Forest Park – красивый регулярный парк с прудами и работающими фонтанами и дворцами-музеями, разбитый на месте проведения всемирной выставки 1904 года. Ей город гордится до сих пор, как и проведенными в том же далеком году III Олимпийскими играми. Посередине главного пруда находится историческое место – здесь на лодочке гришин сын Дима недавно делал предложение своей любимой девушке. Родители очень переживали как бы он не утопил кольцо! Кстати, в конце нашего длинного дня у Гриши дома состоялся просмотр подробного видео-отчета о недавней свадьбе Димы на родине его невесты – в Сицилии.

Нам особенно понравилось гулять вечером по центральной улице одного из пригородных районов, неподалеку от университета. Это была настоящая улица в европейском понимании – с кинотеатрами, ресторанчиками и магазинчиками, а главное – с гуляющими людьми! Мы зашли в любимый гришин магазин, где продавались старые пластинки для проигрывателей с музыкой на все вкусы, и поужинали в уютном ресторанчике, где только начинал играть "живой" оркестр.

Записав все это, я испытываю изрядное недоумение – как столько всего могло уместиться в десять часов знакомства с городом ?!

Как бы то ни было, интересного в Сент-Луисе хватило и на те полдня, которые у нас еще оставались в понедельник. Гриша с Любой благородно взяли по отгулу и продолжили перемещать нас согласно прекрасно обдуманному плану. Утро началось с этнографической экскурсии в "русский магазин", который держит любин брат Марик. Это тот самый магазин, где когда-то в трудные первые американские годы Гриша зарабатывал на жизнь чисткой рыбы. Надо сказать, что Марик, который в "прошлой жизни" был инженером, а в Америке поставил на этом крест и пошел в продавцы, не выглядит крутым бизнесменом. Прежний хозяин, у которого Марик тогда работал, решил отойти от дел. Он чуть ли не насильно и почти задаром (за несколько тысяч долларов) всучил Марику свое заведение. И теперь уже Марику приходится крутиться ... То, что раньше было рыбным магазином, постепенно диверсифицировалось в лучших традициях рассказов Довлатова – тут и пряники, и вафли, и чай "со слоником за 37 копеек", и матрешки, и календари с видами Москвы и Петербурга, старомодная механическая мясорубка, советские часы той самой конструкции, что мой папа выиграл на шлюпочных гонках 1948-го года, – всего не перечислишь ... Но пахло все равно рыбой. По-

купателей не было совершенно, и невозможно было представить, что на этой забытой богом пригородной торговой точке они откуда-то могут появиться. Но Люба объяснила, что вся торговля происходит по пятницам и субботам, когда у людей есть время для подобного экзотического шопинга. Еще Марику удается иногда проворачивать "оптовые" поставки рыбы для церковных еврейских праздников. Видимо какой-то доход есть, поскольку магазин так существует уже много лет.

Не без некоторого облегчения и с искренним сочувствием к хозяину покинули мы это заведение и двинулись по более привычному туристскому маршруту. Поскольку самый красивый вид на город открывается с мостов через Миссиссиппи, то мы проскочили через центр, перемахнули на противоположный берег в Иллинойс, развернулись, ни секунды не задерживаясь среди рухляди Ист-Сент-Луиса, – и с шиком влетели обратно в Сент-Луис, теперь уже с правильного направления. Действительно, на несколько мгновений с автострады и моста открывается очень красивая панорама группы всех высоких зданий центральной части города, украшенная знаменитой аркой.

Вот к ней-то мы и направились. Арка – тонкий вытянутый вверх силуэт, поднимающийся в небо примерно на 200 метров, стоит на берегу Миссиссиппи и знаменует, кажется, единство американского Востока и Запада. В ее основании расположен музей экспедиции американских первопроходцев Кларка и Льюиса. Их можно сравнить с русскими казаками, осваивавшими Сибирь. Дело, однако, было уже в первые годы девятнадцатого века. Наполеон, озабоченный войной с Англией, сбыв США по дешевке большую часть французских владений в Северной Америке, подымавшихся по середине континента от Нового Орлеана на север до самой канадской границы. Американцам нужно было освоиться в новых землях, а особенно – добраться до Тихого океана по суше. К тому времени все попытки обойти континент с севера по морю закончились неудачей. Идейным вдохновителем экспедиции был тогдашний президент Джефферсон, а качестве стартовой точки был выбран Сент-Луис, тогда небольшой поселок, доставшийся от французов. Маленький отряд двинулся вверх по течению Миссури (то есть на северо-запад). В конечном счете, они пересекли по этой длиннейшей диагонали всю центральную часть континента и добрались до Скалистых гор далеко на севере, почти на уровне теперешней канадской границы. Затем перевалили через хребет и спустились по Columbia River к Тихому океану. Вопрос о доступности западного побережья по суше был решен, и его заселение стало делом времени. Спустя два года после выхода на маршрут, экспедиция тем же путем вернулась в Сент-Луис. По дороге они встречали множество индейских племен, но

никто не нападал на них и не причинил вреда.

В музее представлены записи участников экспедиции на забавнейшем старом (или малограмотном) английском. Всюду стоят разные бизоны, олени и лошади, выставлены индейский вигвам, индейская обувь и бисерные украшения, предметы быта белых поселенцев. Впечатляют "говорящие фигуры", каждая из которых произносит несколько фраз о важных моментах американской истории. Много сказано о безжалостном вытеснении и истреблении индейцев.

Из музея мы вознеслись на верхотуру арки. Хотя она и кажется воздушной, внутри все же достаточно места для лифтов, а точнее, для оригинального симбиоза лифта и поезда. Он состоит из 7 или 8 вагончиков, каждый из которых вмещает пять несколько скрюченных пассажиров. По форме вагончик напоминает положенную на бок консервную банку. "Поезд" движется то вверх, то вбок, то снова вверх, ... пока не достигает смотровой площадки на самой вершине арки (по каждой из "ног" арки поднимается свой поезд). Площадка представляет собой узкий коридор, естественно с выгнутым полом и маленькими окошками, дающими обзор с одной стороны, в сторону реки, а с другой – в сторону центра.

В отличие от Миссури, на Миссиссиппи прослеживается кое-какая активность – ходят баржи и прогулочные корабли "под старину". Оживляют картину и высокие автомобильные мосты, по одному из которых на специальном нижнем уровне проходит и линия метро. Поезда здесь маленькие, всего на два вагончика. Вообще, за время своих метаний по центру мы много раз встречали станции метро, но Гриша с Любой никогда им не пользуются и ничего о нем не знают. Более того, было заметно, что ездить в центр у них большой нужды нет, так как вся жизнь, включая дом и работу, течет в пригороде.

На смотровой площадке мы встретили группу Амишей (Amish). Это американцы немецко-швейцарского происхождения, строго придерживающиеся определенных религиозных догматов (разновидность протестантизма) и живущих замкнутыми общинами с патриархальным укладом (без электричества, телефонов и автомобилей). Это те самые "пенсильванские немцы", язык которых изучала когда-то одна наша знакомая. Действительно, в своей изоляции они сохранили очень архаичную форму немецкого языка, которую предпочитают английскому. Амиши отнюдь не вымирают, а наоборот, подобно ортодоксальным евреям, обзаводятся большими семьями, и их число быстро растет (около 200 тысяч). Внешне женщин Амиш легко отличить по старинным накрахмаленным чепчикам и характерным платьям одинакового

цвета и покроя, в которое была одета вся группа, очевидно, приехавшая из другого штата в качестве туристов. Я не заметил аналогичной униформы у мужчин. Забавно, что возведенное в догму стремление Амишей одеваться аскетически скромно и без затей, чтобы не привлекать к себе внимание, в конечном счете приводит к прямо противоположному результату.

Вдоволь пофотографировав реку и город с верхотуры, мы спустились вниз, еще немного побродили по музею, а затем уже просто прошли по берегу реки, по району, который американцы называют Landing, а французы именовали La Levée, то есть место, где удобно вытаскивать баржи на берег для разгрузки. Действительно, здесь берег полого спускается к воде, и до нее можно идти прямо по брусчатке мостовой. Никакой набережной нет.

Полные впечатлений, мы отправились обедать к Грише домой, а вскоре он за четверть часа лихо домчал нас в недалекий аэропорт. Зарегистрировались мы на рейс еще накануне, по интернету, а потому в ожидании посадки можно было часок и расслабиться – но только после того, как обшмонает со всех сторон вездесущее Homeland Security. Полет на маленьком 80-местном самолете канадского производства длился чуть более часа и прошел без приключений. Скоро уже Надя у окна любовалась бесконечными гирляндами огней пригородных поселков и живописным видом вечернего центра Атланты. А я сидел у прохода, пытался болтать с борт-проводницей и с беспокойством думал о завтрашних лекциях, к которым так и не удосужился подготовиться ...

Поездка в Калифорнию

Перелет. Этот полет из Атланты в Сан-Франциско получился одной из самых красочных экскурсий, в которых мне довелось участвовать. Длился он пять с половиной часов, а маршрут пересек три часовых пояса, пройдя практически над всей южной частью страны. При этом первые три с лишним часа на небе не было ни облачка и можно было любоваться пейзажами внизу. Взлетев в 9:30 утра из ставшего за эти месяцы привычным гигантского муравейника аэропорта Хартфилд-Атланта и бросив прощальный взгляд на струдившиеся небоскребы города (я даже различил свою башенку), мы взяли курс на запад (с небольшим уклоном к северу) и уже не меняли его до самой посадки. В первые минуты полета я разглядел, наконец, с самолета реку Чаттахоши, которая протекает-таки относительно недалеко от центра города, но находится вне пешеходной досягаемости. Затем потянулись бесконечные цепочки пригородных поселочков (20-30 домиков выстроенных по строгому, но

обычно криволинейному плану), а за ними началась более гористая и пустынная местность, поросшая грустным, сбросившим листву лесом. Сверху было видно, что современная Джорджия не слишком склонна к сельскому хозяйству. Примерно через час полета холмы исчезли, земля выровнялась и разделилась на разноцветные поля. Это уже был знакомый по прошлой поездке штат Миссури.

В полете мы пересекли несколько больших рек (в том числе Миссиссиппи), которые текут здесь по большей части с севера на юг. Многие из них сильно зарегулированы плотинами электростанций и соответственно широко разливаются, образуя водохранилища. Озера тоже попадаются, причем на такой неровной местности они часто имеют причудливую форму, сверху напоминая ящериц своими разбросанными в разные стороны заливами.

И наконец мы попали в места, которые я давно хотел посмотреть – глубинную сельскую Америку (скажем, Канзас, хотя скорее всего мы пролетели над несколькими штатами). Поля внезапно выровнялись и превратились в строгие квадраты и прямоугольники со сторонами, строго идущими с запада на восток и с юга на север. Сетка меридианов и параллелей в этой части страны существует в реальности, и мы часами летели над ней, строго выдерживая постоянный угол к параллелям. Самая забавная черта здешнего пейзажа – это круглые поля. Это сначала кажется очень странным, но на самом деле причина проста. В центре такого круга находится артезианская скважина, а вокруг нее, насколько хватает воды, разведена оросительная система. Поскольку системы стандартные, то и радиусы кругов (сотни метров) примерно одинаковые. Часто такой круг вписан в квадрат земельного участка, иногда растениями заполнена только половина круга или даже меньший сектор. Все вместе образует забавнейший узор из правильных геометрических форм. Жилье в сельской местности с такой высоты практически не видно, и только время от времени мелькают грустные провинциальные города-близнецы, отстоящие друг от друга на сотни миль, похожие на выпеченные из плохой серой муки большие вафли – строгая сетка из десятка перпендикулярных улиц, заполненных стандартными банками, почтами и другими, как здесь говорят, "бизнесами". Невеселое зрелище на фоне живой окружающей природы.

Я слегка вздремнул над этим однообразным пейзажем, а когда через четверть часа проснулся от легкого потряхивания машины, то декорации внизу оказались абсолютно другими – под крылом чернели покрытые хвойным лесом горы, они уходили к северу и поднимались там снежными вершинами (давно я не видел снега!). Мы добрались до самого живописного штата - Ко-

лорадо. Он вполне оправдал свое "цветное" название. Действительно, там, где черные горы круто обрывались, выступала на поверхность разноцветная порода, то мелово-белая, то оранжевая. Облетев горную гряду, мы оказались над красной пустыней (это уже штат Юта), вид которой мне едва ли удастся описать, настолько он неповторим. Огромные плоскогорья заканчиваются крутыми гигантскими обрывами. Посреди долины возвышаются десятки огромных скал (продукт выветривания), которые даже с самолета не кажутся маленькими и отбрасывают длинные тени, как высотные дома. Наконец, между всего этого великолепия на многие мили змеится один из знаменитых каньонов (не уверен, что это был Grand Cañon, да какая разница?). Сказочный вид закончился еще одной, чуть меньшей темной поперечной горной грядой, а за ней возникла жуткая бледно-серо-зеленая безжизненная пустыня Невады (которую, впрочем, кое-где прорезали тонкие линии автомобильных дорог). Природа, кажется, содрогнулась вместе со мной и мгновенно закрыла это кошмарное зрелище плотным туманом.

Через некоторое время самолет пошел на снижение и, прорезав облачность, двинулся на посадку. Под облаками обнаружили красивые зеленоватые холмы на внутренней (восточной) стороне залива Сан-Франциско. Мы прокрутили над ними несколько странных фигур, теряя высоту, и наконец, двинулись по последней прямой через залив в сторону аэропорта. До последней минуты самолет шел над водой и можно было еще полюбоваться сеткой осушаемых территорий по берегам залива и красивым длинным мостом Сан-Матео, перекинутым через залив. Два других, более знаменитых, моста – Golden Gate и Bay Bridge – остались в стороне от маршрута.

Сан-Франциско. В аэропорту меня встретил сын Юра – по стечению обстоятельств он недавно поселился всего в нескольких кварталах от места проведения моей конференции – и мы сразу отправились на автомобильную прогулку по Сан-Франциско. Ехать нужно было по автостраде, и я с удовольствием отметил, что он управляет своей машиной совсем неплохо. Как и следовало ожидать, основную проблему создавало отсутствие парковки, поэтому знакомство с городом происходило из окна автомобиля. Зато мы много раз пересекли центр во всех направлениях, иногда намеренно, а иногда по причине потери ориентации, так что было время оглядеться. Заблудиться надолго здесь невозможно, поскольку город заполняет собой неширокий полуостров, зажатый между океаном с запада и заливом с востока. Узкое горло залива приходится как раз на оконечность полуострова и через него на север перекинут мост Golden Gate Bridge. Еще один огромный мост Bay

Bridge уходит на восток поперек основной части залива. Планировка центра стандартная продольно-поперечная, но ее делает неповторимой рельеф местности – вдоль полуострова тянется высокая гряда, которая спускается к воде несколькими мягкими уступами. Поэтому поперечные улицы идут вверх, чередуя очень крутые подъемы и небольшие плоские участки. Перевалив через гряду, можно таким же образом спуститься к противоположному берегу полуострова. По некоторым улицам, радуя туристов, вверх и вниз медленно катят пестрые ретро-трамвайчики (Cable Cars), с людьми на подножках и чуть ли не на запятках.

В отличие от Атланты, Сан-Франциско похож на нормальный город европейского типа, то есть его улицы по большей части застроены красивыми трехэтажными домиками разных мягких и светлых цветов, многие из которых имеют встроенные лоджии, башенки и угловые круглые выступы. Единый стиль успел сложиться, когда город внезапно и резко вырос во времена золотой лихорадки девятнадцатого века. Конечно, здесь есть и стандартный тянущийся в высоту деловой центр (Financial District), но он, к счастью, не определяет лицо этого красивого города, а только добавляет стройности его силуэту, если смотреть издали.

Мы пересекли китайский квартал (отличающийся только тем, что по улицам, действительно, ходят одни китайцы), оставили машину на парковке и отправились обедать на 39-й пирс, местный туристский центр. Это настоящий старый пирс, застроенный в два этажа разными ресторанчиками и сувенирными лавочками. Для пущего развлечения, рядом с ним на специальных плотках устроено лежбище больших тюленей (морских львов). Они лежат на дальних плотках и изредка пытаются перекрыть своим ревом шум от снующих по пирсу туристов. Мы хорошо перекусили в шумном ресторане, стеклянная стена которого выходила на стоянку яхт и катеров. Ресторанчик был отделан по мотивам культового фильма "Форрест Гамп" (там колоритный негр – приятель главного героя – действительно открывает креветочный ресторан), а на столах стояли металлические таблички с цитатами из фильма "Run Forrest run" и "Stop Forrest stop" разных цветов, с помощью которых можно было подзвать официанта. Единственное, что мне там не пришлось по нраву, это правило, по которому молодые мальчики-официанты каждые пятнадцать минут собирались кучкой у одного из столиков и жуткими криками начинали поздравлять кого-то из сидящих с днем рождения или еще с чем-то. Но остальная публика принимала это с энтузиазмом.

После ресторана мы рванули через легендарный Golden Gate на северный берег пролива. Мост необычного красно-коричневого цвета идет высоко-

высоко над водой и с него открывается вид в сторону океана: открытого пространства не видно, но оно угадывается за островами. По мосту с удовольствием гуляют туда-сюда многочисленные туристы. Мы свернули с автострады сразу за мостом на смотровую площадку и полюбовались городом через пролив. Издали он кажется очень светлым, маленькие домики плотными рядами спускаются к воде с высокой гряды, а те, что подальше, вообще кажутся кусочками выступающей наружу светлой природной каменной породы, из которой состоят холмы.

Дело уже близилось к закату (в декабре темнеет здесь рано, около пяти часов), и мы двинулись на юг, обратно через мост и через весь город, выехали на запруженную машинами автостраду и медленно поплелись по знакомому пути, мимо аэропорта – в Пало Альто.

Нарушая хронологию, расскажу и о своей пешеходной прогулке по Сан-Франциско, которая состоялась уже после окончания конференции. На этот раз я отправился в город на поезде (Caltrain). Это разновидность электрички, идущая с юга на север от Сан-Хосе до Сан-Франциско. Интересно, что вагоны в ней двухэтажные, причем на первом этаже в середине проход, а по бокам по два кресла, а на втором этаже в середине нет пола, а по бокам есть узкие проходы и по одному креслу. Контролер ходит только по первому этажу и снизу вверх требует показывать билеты. По дороге очень много остановок (каждые три-четыре минуты), поэтому поездка растягивается на целый час, хотя экспресс-поезд покрывает то же расстояние вдвое быстрее. Кроме того, поезд прибывает не в центр, а в депрессивный район к югу от центральной Маркет-стрит, и оттуда еще приходится выбираться пешком в цивилизованные места. Зато он очень комфортабелен по температуре, качеству сидений и виду из окон второго этажа. К тому же проезд достаточно дешев – долгая поездка обошлась дешевле 6\$.

Мой маршрут был нацелен на посещение основных туристских мест – Telegraph Hill, Russian Hill, Nob Hill, а также сильно удаленного от них главного городского парка Golden Gate Park. Общая протяженность прогулки составила примерно 20 км, а длилась она с 11 утра до 6 вечера. Перемещаясь от вокзала к Telegraph Hill, я прошел через китайский квартал и поразился его многолюдью. Пришлось буквально протискиваться сквозь толпу. К тому же хозяева лавочек и овощных базаров стремились вынести свой товар на тротуар, оставляя для прохожих мало места. Вокруг характерные китайские товары (грибы, лапша, резные камни, ...), ну и конечно надписи на китайском на всех домах, банкоматах, магазинах. Бросается в глаза большое количество стариков. Мы привыкли всюду видеть китайцев молодых и

проворных, но в Сан-Франциско они уже давно "успели состариться".

Telegraph Hill интересен прежде всего тем, что с него, а точнее со стоящей на нем башни Coit Tower, открывается лучший вид на город. Действительно, со смотровой площадки видны оба больших моста, многочисленные пирсы, пролив Golden Gate, легендарный остров-тюрьма Алькатрас, силуэты высотных зданий в центре и уходящие вдаль волнистые ленты главных улиц города, которые плавно перетекают с холма на холм. Кроме того, стены цокольного этажа башни целиком расписаны американскими художниками времен великой депрессии и дают яркую группу сценок из прошлой жизни.

По дороге я успел опять оценить крутизну местных улиц – теперь уже в качестве пешехода. Хождение по ним гораздо больше напоминает горный поход, чем городскую прогулку. Следующей точкой маршрута стал серпантин на Lombert street. Здесь в одном месте наклон настолько крут, что обычная улица на протяжении одного квартала вдруг начинает виться изгибами. К тому же на этом участке много цветов, а мостовая выложена красной брусчаткой. Все вместе настолько живописно, что стало одной из эмблем города.

По серпантину я поднялся к холмам Russian Hill, Nob Hill, которые когда-то были аристократическими районами города и по утверждению путеводителей богаты красивыми особняками. Но похоже, что архитектурный блеск этих районов что-то поистерся, и в них ничуть не больше интересных зданий, чем в соседних кварталах. Да и аристократов сменили все те же китайцы.

Следующим этапом был длинный переход в сторону парка. Надо сказать, что наибольшее удовольствие в этой прогулке – это разглядывать обычные старые дома. Они, видимо, деревянные, но часто богато украшены деревянной резьбой, и выкрашены во всевозможные оттенки охряного или сероватого цвета (бывают и более яркие варианты). Иногда основание дома стоит выше по холму и возвышается над улицей. Тогда от тротуара к дому ведет большое красивое крыльцо. В общем, тысячи домов в едином стиле, но не повторяющие друг друга, и я быстро посадил батарейки, пытаясь фотографировать все, достойное внимания.

Поход проходил наперегонки с дождем – над проливом все время висела черная дождевая туча, и пару раз мне пришлось укрываться от холодного душа в автобусных остановках или магазинчиках. Но в общем и целом мне повезло – даже ноги как следует не промочил.

Холмистая местность в сочетании с прямоотой улиц создают замечательный эффект полета. Впереди все время маячит или кусочек неба, или воды залива с красивым мостом, да и видимость часто не ограничена отдельными домами – можно любоваться районами на соседних высотах.

Часовой переход закончился в парке Golden Gate. Это огромное прямоугольное зеленое пространство в западной части города, вдали от центра, достигающее до океанского побережья. Надо сказать, что город безусловно предпочитает теплый залив холодному океану, к которому он повернулся спиной. Размеры парка таковы, что по нему народ перемещается в автомобилях. По парку разбросаны разные полезные учреждения – ботанический сад, японский сад для чайных церемоний, несколько художественных музеев с очень оригинальными зданиями. Я изначально наметил себе добраться до спрятанного в зелени искусственного озера и стремился к нему как капитан Скотт к южному полюсу. Озеро оказалось довольно узкой полоской воды, окружающей большой покрытый лесом остров-гору. Народу почти не было, только изредка попадались бегуны. На воде плавали обычные, но очень большие утки, белые чайки и еще какие-то незнакомые серые птицы. Обойдя озеро по кругу, я понял, что теряю ориентировку и вот-вот заблужусь (до наступления темноты оставалось меньше часа) и двинулся обратно к вокзалу. Сперва я думал, что поеду на троллейбусе, но ноги еще были в порядке и несли меня сами, на этот раз по прямой как стрела улице. По сторонам только мелькали номера домов – 3000, 2500, 2000 (на самом деле две первые цифры обозначают номер квартала и меняются, как только ты переходишь поперечную улицу) ... Так никуда и не сворачивая, а только поднимаясь на холмы и спускаясь с них, я за час с небольшим добрался до административного центра – помпезного беломраморного здания со стандартным капитолийским куполом. Вскоре петля маршрута замкнулась и по знакомым местам я вернулся к вокзалу.

Пало Альто. Сразу за аэропортом Сан-Франциско начинается знаменитая Силиконовая долина, то есть непрерывная цепочка городков, в которых находятся крупнейшие компьютерные компании – Google, Yahoo, Facebook, Hewlett-Packard, Adobe, Sun, Oracle, ... Долина не идет вдоль какой-то реки, а представляет собой равнинный участок между длинной грядой холмов на западе и водами залива на востоке. Она так и тянется с севера на юг на добрую сотню километров. Все городки, по Юриному выражению, нанизаны как на шампур, на продольную автостраду, которую дублирует огромный бульвар с красивым названием El Camino Real. Американцы, оттапав у Мексики Калифорнию, сохранили многие "шикарные" названия городков и даже улиц. Все эти Embarcadero, Escondido, Divisadero, Santa Clara, Palo Alto расцветивают здешний плосковатый городской пейзаж. В Palo Alto, помимо компьютерных фирм, находится еще и знаменитый Станфордский

университет. Поэтому Palo Alto входит в число самых богатых американских городов – средний доход здешней семьи больше 300 тысяч долларов в год. Соответственно, и недвижимость необычайно дорога – ведь кругом вода океана и залива, так что возможностей селиться поблизости от работы даже у обеспеченных людей немного. Население городка (около 60 тысяч) живет на маленьких улочках, отходящих вбок от El Camino, в сравнительно небольших аккуратных домиках, выкрашенных светлой краской. Какого-то единого стандарта здесь нет, но многие дома одноэтажные. Хотя, конечно, попадаете всякое. Часто дома стоят без заборов и близко к тротуару, так что кажется, что ты не проходишь мимо, а забрел прямо на участок.

Климат здесь отличный: посадишь пальму – вырастет пальма, посадишь эвкалипт, сосну или березу – они тоже вырастут и будут чувствовать себя прекрасно. Однажды вечером (правда, дело было в Сан Хосе) я видел фантазмагорическую картину – рождественский искусственный каток для маленьких фигуристов располагался в сквере среди ярко иллюминированных пальм!

В Пало Альто при его вытянутой форме нет никакого центра. Его роль выполняют две удаленные друг от друга поперечные улицы, одна из которых досталась в наследство от поглощенного соседского городка Мэйфилд.¹³ Мы несколько раз заходили в небольшие ресторанчики и всегда оставались довольны. После одного из таких посещений Юра устроил бонус-заход в "Red Rock Coffee". Это небольшое, действительно темно-красное двухэтажное помещение, за всеми столиками которого сидит народ, по одному-два человека, за своими лаптопами¹⁴ и занимается чем ему надо. Нам достался единственный свободный столик посередине кафе. Он не пользовался спросом – к нему запрещено подводить электричество, чтобы люди не спотыкались. Бизнес-модель этого заведения неясна, так как кофе пьют очень мало, а интернет бесплатный. Говорят, кафе спонсируется разбогатевшими посетителями.

¹³Забавная история такова. В девятнадцатом веке Mayfield был уже сложившимся городком, славившимся своими салунами, а Пало Альто – скорее пустынным местом. Когда железнодорожный магнат Станфорд решил построить университет, он хотел сделать это в Мэйфилде, через который шла его дорога. Однако он поставил условие – в городе не должно продаваться спиртное. Жители Мэйфилда с гневом отказались. Тогда Станфорд двинулся дальше на юг и построил свой университет в пустынном Пало Альто. Университет процветал, вся деловая активность сместилась туда, так что через несколько десятков лет Мэйфилд потерял самостоятельность и превратился в безымянный район Пало Альто. Но его главная улица все-таки осталась "живой", полной людей и ресторанчиков.

¹⁴Не вздумайте в Америке называть портативный компьютер ноутбуком – на вас посмотрят как на идиота.

Станфорд. В одиночку и с Юрой я дважды прошелся по кампусу Станфордского университета. Это необъятное плоское пространство, по существу, отдельный город, вмещающее несчетное число общежитий, всевозможные факультеты, парки с экзотической зеленью, огромную больницу, музей с выставочным залом и большой стадион. Разумеется, ходить пешком здесь не имеет смысла, так что большинство студентов перемещается на велосипедах (чего я не видел в других местах). Юра говорит, что по утрам в кампусе случаются велосипедные пробки. Этого я не наблюдал, но кое-где заметил сложную разметку на велосипедных дорожках – совсем как для автомобилей. Как и в GT, по кампусу и в его окрестностях ходит целая сеть бесплатных автобусных маршрутов.

Парадный въезд представляет собой длинную аллею, обсаженную огромными пальмами. Аллея приводит к центральному ансамблю зданий, построенному, как водится, в средневековом стиле – то ли монастырь, то ли дворец. В центре – большой двор с колоннадами по краям, а за ним церковь с яркими фресками на фронте. Все это выполнено в единых светло-коричневых тонах и задает кампусу цветовую гамму. Большинство зданий кампуса, включая самые современные, выкрашены в тон центральному корпусу. Единственным цветовым диссонансом является выставленная рядом с центральным корпусом ярко-белая четырехфигурная композиция (пара мужчин и пара женщин), которая олицетворяет характерную для Сан-Франциско и его окрестностей идею терпимости к сексуальным меньшинствам. Рядом с центральным корпусом возвышается видная издали Гуверовская башня, которую сперва можно принять за колокольню, но на самом деле это архив одного из президентов США, выпускника университета.

Гуляя по университетскому парку, можно встретить самую разнообразную зелень. Например, есть сад кактусов. В общем-то там растет примерно то же самое, что у нас дома на окне (шарики, "огурчики", плоские растения с иголками ...), но только в двадцать раз больше. Неподалеку от кактусов в парке стоит мавзолей основателя университета, где похоронен он и его семья.

Одно из главных впечатлений, которое остается от кампуса, это ощущение продуманности и порядка. Кругом на мили вокруг все чисто прибрано, а корпуса, даже и не самые новые, выглядят так, как будто их вчера здесь поставили, но еще не открыли для публики. Конечно, в кампусе все время идет большое строительство, но оно организовано так, чтобы занять минимум необходимого места и не загрязнить окружающую территорию.

Важно понимать, что почти вся колоссальная компьютерная экономика, бурлящая вокруг, корнями уходит именно в университет. Достаточно ска-

зять, что легендарный гугловский интернет-поиск несколько первых месяцев своей жизни бесплатно работал на университетских компьютерах – пока не съел все их ресурсы! В общем, именно в Стенфорде можно увидеть настоящий "наукоград", хотя его здесь так и не называют.

Конференция. Формальной целью моей поездки в Калифорнию было участие в математической конференции, организованной Американским институтом математики. Поскольку он расположен в Пало Альто, все думают, что это институт работает при Станфордском университете. Но это полное заблуждение. Институт работает при успешном супермаркете компьютерной и бытовой техники Fry's Electronics, хозяин которого предоставил институту помещение посередине складов своего предприятия, под одной крышей с торговым залом, и наполовину спонсирует зарплату его сотрудников (человек шесть) и проведение конференций, включая проезд участников даже из Европы, поселение в гостинице, карманные деньги на еду и даже небольшие дегустации вина по окончании рабочего дня. Другую половину дает федеральный Национальный научный фонд (основное правительственное агентство, финансирующее фундаментальные исследования).

Вероятно, в связи с необычным источником финансирования, и конференция была не совсем обычной. Кадровые сотрудники института полагают, что им известна технология совершения математических открытий. В соответствии со своими представлениями они проводили большую подготовительную работу, а именно за предшествовавший год трижды состоялись Conference Call, то есть коллективный телефонный разговор всех организаторов конференции (я был одним из четырех, а всего было тридцать участников). Должен сказать что Conference Call'ы мне давались с большим трудом, не только потому, что трудно по телефону разобрать, что именно одновременно говорят несколько человек, но и потому, что повестка дня этих разговоров постоянно импровизировалась и нас заставляли высказываться по важным вопросам без подготовки. Организаторы потребовали от каждого участника заранее прислать вопросы и проблемы, которые его интересуют, и сделали присланные материалы общедоступными (это очень здравая идея). Зато они сказали, что доклады – это слишком пассивная форма работы и их нужно свести к минимуму. Так и быть, давайте назначим двух докладчиков на первый день, а дальше люди разобьются на группы, начнут работать и по ходу дела решат, какого типа доклады им нужны. То есть будем импровизировать. Результат был не слишком утешительным, так как нам пришлось заказывать доклады буквально накануне (или делать самим в такой же спешке).

И разумеется, докладчики выбирались не по прихоти последней дискуссии у доски, а по их известной квалификации, эрудиции и красноречию. То есть мы спокойно могли бы выбрать их за полгода до этого и дать людям подготовиться. Другой конфликтной точкой стало отсутствие традиционного для конференций экскурсионного перерыва в середине недели. Так сказать, мы вам платим деньги, извольте работать. Но как можно приехать с другого конца земли или даже Америки, жить в часе езды от красивейшего города, и не побывать там (институт оплачивал гостиницу с воскресения по субботу)? Естественно, к середине пятницы ряды участников стали стремительно редеть. Я как раз делал последний доклад перед обедом и удивился, что в зале еще оставалось довольно много народу. Но потом все, конечно, стали разбегаться. Как выяснилось, это очень обидело директора института. Согласно его представлениям, именно к пятнице, обменявшись всей необходимой информацией, участники должны разбиться на мелкие группы и мозговым штурмом решить задачи, обсуждавшиеся ранее (надо сказать, что эти задачи остаются нерешенными уже пару десятков лет и участники не питали особых иллюзий насчет того, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки "здесь и сейчас"). В общем, стороны расстались с чувством выполненного долга, но и некоторого взаимного раздражения.

На самом же деле конференция прошла вполне удачно. Мы встретили старых знакомых, познакомились с новыми людьми, работающими над похожими задачами в других областях математики (обычно в этом случае не бывает даже повода встретиться), послушали пару интересных лекций, узнали о новых задачах и дали друг другу несколько полезных советов. Что еще можно требовать от скоротечной конференции, где в начале недели каждый не был знаком с доброй половиной участников?

Поездка в лес и на океан. Неподалеку от Пало-Альто, в одном из районов Сан-Хосе, живет моя одноклассница Зина Шапиро, и я был очень рад повидать ее и ее семью. Юра уже не раз прибегал к ее помощи, когда стал обустраиваться в здешних краях. В один из вечеров мы с Юрой побывали у Зины в гостях и неожиданно для себя оказались в большой компании их друзей и родственников. Как водится, возникли и долго кипели горячие политические споры, которые не хочется здесь обсуждать. На следующее утро Юра опять забросил меня к ним, а дальше мы уже отправились развлекаться втроем – Зина, ее муж Марик и я. Погода выдалась отвратная – все время шел достаточно противный дождь, то затихая, то усиливаясь до настоящего ливня. Марик за рулем героически вез нас наперекор стихии. Мы двигались

на юг и углублялись по петляющим дорогам в высокие приморские холмы. Первым пунктом назначения был лесной заповедник Cowell Redwood¹⁵ State Park – расположенная в высотной местности роща легендарных секвой. Из-за плохой погоды мы ограничились минимальной прогулкой, но и ее было достаточно, чтобы набраться впечатлений. Толстые и прочные стволы деревьев уходят куда-то вверх (до 90 метров), настолько высоко, что хвойных веток почти не видно (крона секвой непропорционально мала по отношению к размеру ствола). Кора стволов, толстая и твердая, кажется вырубленной из камня. Именно ее прочность и химический состав (обилие дезинфицирующих дубильных веществ) защищает деревья от вредоносных насекомых и даже отчасти от пожара, и обеспечивает секвойям их легендарное долголетие. Все радостно сфотографировались у среза старого дерева, диаметр которого заметно превышал человеческий рост, а возраст, по подсчету колец, зашкаливал за 2500 лет. Корни таких деревьев образуют у подножия сложные переплетения и даже подобия пещер, в которых можно переночевать. Поскольку секвойи чаще размножаются побегами от корней, чем семенами, то они нередко образуют живописные "семьи" – группы стоящих рядом гигантов, и это получается тоже очень красиво.

Заповедник обслуживают симпатичные пенсионеры-добровольцы, которые в этот ненастный день сосредоточили весь запас гостеприимства и словоохотливости на немногочисленных посетителях (в нашем лице). Поэтому разговор после прогулки получился едва ли не таким же долгим, как сама прогулка. Мы узнали, например, что заповедник назван в честь промышленника, который добывал здесь стройматериалы и как раз вырубил все леса вокруг рощи и наверное вырубил бы и ее, если бы группа энтузиастов защиты природы не перекупила рощу у него перед носом. Много лет спустя сын этого промышленника пожертвовал заповеднику окружающие земли – с условием увековечить память об отце! На том и порешили со свойственной американцем прагматичностью.

Из заповедника мы отправились на берег океана (до этого мне практически не доводилось приблизиться к нему – Сиэтл, где я был раньше, хотя и стоит на берегу, отделен от открытого моря сложной системой островов). Специальное место, где можно спуститься к берегу на машине, известно своими полями для гольфа (признак богатства и роскоши), а потому въезд в

¹⁵Так называются леса из деревьев с красной древесиной, секвойи и специальной разновидности ели. Эти леса могут расти только в зонах со специальным влажным и туманным климатом, недалеко от берега океана в Калифорнии и соседнем Орегоне.

приморский поселок оказался платным. Мы поставили машину на стоянке у пляжа и отправились прогуляться вдоль песчаного берега по специальной деревянной дорожке.

Шторма не было, но волны выкатывались с изрядным шумом и остервенением. Вдали от берега волна светло-зеленая, но затем она подхватывает песок со дна и выкатывается на пляж уже бурой. Кроме нас, на пляже были только серфингисты в гидрокостюмах со своими большими досками. Несколько человек бревнами болтались в море на линии прибоя, но я так и не увидел никого, кто бы уверенно справлялся с набегавшими волнами.

Переехав на другое место, мы сделали несколько снимков замечательного пейзажа (одинокое дерево на прибрежных скалах) и поглядели на природное лежбище морских котиков. Они удобно и безопасно устроились на большой скале в сотне метров от берега и выясняли там отношения с помощью громкого рева. Неясно, как они находят пищу для своих грузных тел. Наверное, все-таки иногда спускаются со скалы ловить рыбу.

Поездка в Сиэтл

После Калифорнии я отправился в Сиэтл повидать старых друзей по работе и школе. Эта поездка прошла под знаком снегопада. Штат Вашингтон засыпало снегом, какого не было здесь сорок лет, и никакая туристская программа оказалась не реальна. Мы просто гуляли в пригородах по чистейшим заснеженным улицам, тропинкам и дорожкам – любовались заснеженными елками (иногда – заснеженными пальмами). Автомобильное движение не было парализовано полностью, но скорость движения машин даже на больших автострадах упала вдвое-втрое, а многие маленькие улицы, которые имеют заметный наклон, стали непроезжими для машин с неподходящей резиной. Поэтому ритм жизни резко замедлился, а все школы и многие учреждения закрылись до лучших времен. Добраться из одного окраинного района в другой стало целым приключением. По дороге непременно попадался десяток брошенных машин, чьи водители не справились с управлением и безнадежно застряли на покрытой снегом обочине (но серьезная авария не встретилась ни разу).

Впрочем, у меня появилось больше времени для общения с друзьями. Замечательно погостил у своей одноклассницы Юли (мы не виделись, кажется, 30 лет!¹⁶) и у друзей по питерской работе Саши и Сережи. Все "принима-

¹⁶Для ревнивых читательниц: при сем присутствовал Юлин муж Миша. От него я услы-

ющие стороны" сокрушались, что не могли меня никуда повезти, а только передавали друг другу как багаж. Но, ей богу, я-то остался доволен, потому что повидал почти всех, кого хотел встретить!

К сожалению, непогода сильно сказалась и на работе аэропорта. На обратном пути в Атланту мой рейс, в числе многих других, был отменен. Пришлось стоять огромную очередь (больше 4 часов) за новым билетом. Вообще, аэропорт на этот раз не заслужил отличной оценки. Службы его работали уныло, хотя покрытое лужами летное поле не выглядело таким уж непреодолимым препятствием для полетов. Говорят, у них кончилась анти-обледенительная жидкость для поливания самолетов ... Новый дополнительный рейс, куда я попал, еще пару раз задерживали, потом нас все-таки посадили в самолет, но еще целый час не могли оттащить буксиром от терминала ... В общем, впервые в жизни я услышал горячие аплодисменты пассажиров не при посадке, а при взлете самолета!

Дальше пришлось ночевать по дороге в аэропорту Миннеаполиса (это штат Миннесота – самое холодное место в стране, там было около -15 градусов). Зачем через него проложен маршрут Сиэтл-Джорджия, знают только гении транспортного планирования. Сначала летишь три часа на восток, потом столько же на юг, крюк выходит приличный. Мне понравилось, что в аэропорту ночью всем желающим раздавали матрасы и одеяла.

Второй рейс – с вылетом в 5 утра из Миннеаполиса в Атланту – прошел с минимальными задержками. Зато по прибытии в я с удивлением обнаружил, что моей сумки в багаже из Миннеаполиса нет. Два часа прошли в бесплодных поисках и нарастающей печали по пропавшим одежкам и бумагам – пока не выяснилось, что сумку из Сиэттла отправили напрямую в Атланту. Она валялась в грудке невостребованного багажа совсем в другом терминале. Я был почти счастлив – пока не доехал до дома. Но это уже не относится к поездке ...

Снова в Атланте

Вот и последний этап долгой поездки – наконец-то я поднимаюсь на лифте на свой 12-й этаж и ... Из-за двери пустой квартиры раздавался рев каких-то мощных агрегатов. Там обнаружили два шумных воздушных обогревателя, задачей которых было высушить что можно – в помещении стоял запах

шал много поучительных историй, как советский лечащий врач превращается в американского и как он здесь работает. Одним словом – и то, и другое очень тяжело.

оранжерейной сырости. Это накануне сосед двумя этажами выше сообразил повесить куртку на датчик, прикрепленный к потолку. Сработала не только пожарная сигнализация, но и автоматические огнетушители, так что хлынувшая воды в доме без сплошных перекрытий залила все на 6 этажей вниз (по 4 квартиры на этаже). В целом, я дешево отделался, поскольку многие вещи брал в поездку. Невинно пострадали только тексты прочитанных лекций, да чуть не погиб мой вечный спутник – любимый калькулятор на солнечных батарейках (он уже был СТАРЫМ в 1992 г., когда мне его сплавил знакомый японец). Калькулятор три дня не работал, а на четвертый – просох и стал опять как новенький.

С этого дня ко мне потянулась вереница местных "таджиков", то есть мексиканцев и азиатов, и, объясняясь на языке жестов, занялась перекраской стен и потолков, заменой гидроизоляции полов и прочими спасательными работами. Находиться дома стало не слишком комфортно. Хорошо хоть денег за ремонт с меня не взяли.

Неудивительно, что я предпочитал проводить время в кампусе. Он был пуст и тих по случаю рождественских каникул, хотя, конечно, официальное выражение "Campus closed" не следует понимать буквально. Добраться до офиса все-таки можно и припасть там к заветному компьютеру – тоже. Правда, температура поддерживается на минимально приемлемом уровне. Зато на улице сравнительно тепло (туманно и сыро) и на побуревших за осень газонах пошла в рост первая зелень. В любом случае, мне было не до праздников, надо было до нового года успеть посмотреть в базах данных все, к чему требуется пароль GT. Мой контракт кончился 31 декабря, и хотя на факультете мне многое разрешили сохранить до отъезда (офис, почту и даже назначили оклад в 0 долларов – чтобы я числился на работе), было неясно, как в январе будет работать то, что не зависит от факультета. Так что описания Рождества и Нового Года по-американски здесь не будет – я их проездил авансом.

Поездка в Нью-Йорк и Нью-Джерси

Диспозиция

На эту поездку я смог выкроить неделю на все про все, с прилетом и отлетом, – явно недостаточный срок для знакомства с такой машиной (к тому же не менее важно было встретиться со всеми родственниками – друзьями –

одноклассниками – однокурсниками, осевшими в этих краях). Поэтому эти заметки будут очень субъективными и неполными. Постараюсь не повторять написанное в путеводителях, насколько это возможно без ущерба для связности рассказа.

Итак место действия – остров Манхэттен, сильно вытянутый с севера на юг (по карте – сверху вниз), более узкий в южной части и широкий в северной. Остров зажат между водяными потоками – рекой Гудзон с запада (слева) и Ист Ривер с востока (справа). Ист Ривер это отчасти рукав Гудзона, а отчасти – морской пролив между островами. Справа от Манхэттена, через Ист Ривер, лежат Бруклин и Квинс (туда ведут несколько мостов и тоннелей, в том числе знаменитый Бруклинский мост). Слева, через Гудзон, пролегает равнина штата Нью-Джерси. Туда ведет мост Вашингтона и тоже несколько тоннелей. К югу от Манхэттена – большое водное пространство с несколькими островами (на одном из них стоит статуя Свободы) и кое-какими портовыми сооружениями. На это же пространство выходит и Бруклин с легендарной набережной Брайтон Бич. Нью-Йорк имеет районы и к югу, и к северу от Манхэттена, но в них я совсем не был, и поэтому не буду упоминать. Манхэттен я исходил и изъездил очень основательно, а также хорошо познакомился со штатом Нью-Джерси, поскольку жил там. В Квинс ездил однажды и видел только его небольшую часть.

Транспорт

Мои перелеты были связаны с самым маленьким из трех нью-йоркских аэропортов – Ньюарком. По сравнению с двумя другими он несколько более удален от центра, но зато его умеренный размер позволяет легко ориентироваться. В общем, мне там понравилось. Подозреваю, что и билеты туда дешевле благодаря более низкому аэропортовому сбору. Перелет из Атланты и обратно (2 с лишним часа полета) обошелся всего лишь в \$220.

Поскольку жил я в пригородах (Нью-Джерси) и не всегда кто-то мог меня забросить в центр на машине, то пришлось познакомиться с пригородными автобусами. Ходят они достаточно часто, и места внутри вполне удобны. Цена проезда небольшая, меньше \$5. Главный недостаток – очень медленное продвижение к цели. Автобус крутит и вертит по всем окрестным городкам, собирая пассажиров, и тратит час там, где нормальной езды не больше 25 минут. Это относится даже к так называемым экспрессам. Очень плохая система информации – в автобусе есть "бегущая строка", но на ней отображается

число пассажиров и прочая никому не нужная чушь, но не названия остановок. В темноте, при однородности американского пригородного пейзажа, возникают большие проблемы найти свою остановку для выхода.

По Манхэттену часто приходится ездить на метро, особенно с севера на юг, где расстояния таковы, что время пешей прогулки может измеряться часами. Метро полезно и для связи между Манхэттеном и другими районами. Под землей заметен контраст между довольно убогими станциями, сохранившими вид столетней давности, и вполне приличными поездами, внутри напоминающими питерские, но с более широким проходом между сиденьями. Никаких проблем с безопасностью перемещения, пересадками или покупкой билетов (одноразовый \$2) я не испытал. Многие путеводители пугают туристов сложностью сетки маршрутов, но мне это показалось преувеличением. Нужно только иметь ввиду, что по одним рельсам здесь ходят несколько линий, как наши трамваи, и не все поезда останавливаются на всех остановках. Из схемы метро легко извлечь все детали для выбора маршрута, а вагоны каждого поезда хорошо размечены номерами линии, так что опознать свой поезд – не проблема. Наземных вестибюлей станций здесь почти нет, а если и есть павильончик, то его можно легко принять за общественный туалет.

В литературе нью-йоркское метро часто изображается идущим по эстакадам над улицами города. На самом же деле во всей большой центральной части этого не увидишь. Что-то подобное, кажется, осталось только на удаленных северных окраинах.

Для поездок на более далекие расстояния существуют пригородные электрички, но их практически не видно, так как по Манхэттену они, как и метро, идут под землей, и там же, под землей, расположены оба больших городских железнодорожных вокзала, Penn и Grand Central.

Автомобильное движение на Манхэттене имеет специфику, отражающую структуру сетки улиц. С севера на юг идут относительно большие авеню, их всего чуть больше десятка, а поперек – бесчисленные стриты (около 200, но дальше 90-й ничего, имеющего туристское значение, нет. В районе сотых улиц начинается Гарлем. Там мы проезжали пару раз на машине. Это давно уже не трущобный, а вполне обыкновенный скучный район, приметный только огромными кирпичными домами для бедных). Расстояние между стритами маленькое – два дома, так что при движении с севера на юг приходится преодолевать бесчисленное число перекрестков со светофорами. Поэтому машины здесь в принципе могут ехать только медленно, а пешеходы привыкли переходить улицу на красный свет. И водители, особенно легендарные такси-

сты на своих желтых машинах (удивительно напоминающих наши "Волги", почему бы это?), и многочисленные пешеходы в этих трудных условиях ведут себя довольно агрессивно.

Парковка в центре представляет собой разновидность азартной игры. У каждого столба стоит табличка с детальным объяснением, когда в этом месте можно парковаться (или никогда нельзя). Практически все места всегда заняты, и приходится 10-15 минут плутать по улицам в поисках места. Однажды мы спешили, не имели времени на такие поиски, и оставили машину на несколько часов в подземном паркинге. Это обошлось в \$30. В Атланте такая же банальная парковка некогда не превысит \$10.

Погода

Путеводители настоятельно не рекомендуют ездить в Нью-Йорк летом из-за сильной жары. Январь оказался немногим лучше (впрочем, у меня не было выбора). Каждый день преподносил какой-то неприятный сюрприз - дождь, сильный ветер, снегопад (эстетически он даже приятен, но мешает передвижению на автомобилях), и ни разу не выпадала комфортная погода, о которой можно забыть. После Атланты здешний климат кажется просто вредным - градусов вроде немного, и уши, надежный индикатор, не мерзнут, но тебя постоянно пробирает до костей ветер. В общем, надо признать, что я не был к этому готов и постоянно (и совершенно напрасно) злился.

Как выглядит Нью-Йорк

Этот город на самом деле следует рассматривать с вертолета. Разноэтажную массу его зданий можно обозреть либо сверху, либо очень издалека. Действительно красивые виды на цепочку городских высоток открываются с открытого пространства Ист Ривер (с Бруклинского моста) или с удаленных от города высот Нью-Джерси. При этом красоту создает именно район Мидтауна (тридцатые-пятидесятые улицы), где огромный Empire State Building "пасет" своих заметно меньших собратьев. А вот Downtown (историческое ядро, финансовый центр) не так уж и хорош ни с какой точки. Потеря башен Мирового торгового центра пока невосполнима. На их месте зияет огромная пустота, занятая строительной площадкой. Работы еще идут ниже уровня земли. И эта медлительность показывает как даже обычно оперативным и практичным американцам не вполне удается оправиться от страшного удара.

Кстати, во многих районах города и пригородов стоят трогательные памятники жителям этих мест, погибшим 11 сентября.

В меньшем масштабе Нью-Йорк мало где радует глаз. Его высокие (а иногда огромные) дома либо слегка потемнели и потускнели, либо стоят в сетке ремонтных лесов. К тому же большая часть зданий уже имеет почтенный возраст (80-100 лет), а динамичных амбициозных новых проектов почти не видно. Забавно разглядывать полные излишеств здания, которые "так похожи на московские высотки", хотя на деле все обстоит ровно наоборот. Все это относится и к культовому Empire State Building. На уличных фасадах и внутри здания идет бесконечный ремонт. Разумеется, нельзя было не подняться на 86-й этаж. Лифт взлетает вверх практически мгновенно, и вид на все четыре стороны открывается замечательный, не только на город, но и на водные просторы вокруг. Тут действительно можно забыть о пронизывающем ветре и холоде. Неприятной стороной подъема оказывается его коммерческая составляющая. Дело не в цене – все время приходится буквально пробиваться сквозь ряды местной штатии, пытающихся тебе что-то продать – то сделать твою фотографию, то поднять на пять лишних этажей, то "со скидкой" добавить аудиогид или карту города ... Так нагло на меня наседали только однажды – в амстердамском музее восковых мадам Тюссо.

От старинного Нью-Йорка, там, где он зарождался, в Даунтауне, кроме пары церквей практически ничего не осталось. Теперь это финансовый центр, весь уставленный небоскребами вдоль узких, лишенных света переулков. Одно из приметных мест, площадь Боулинг Грин, от которой начинается Бродвей, оказалось крошечным невзрачным сквериком. Первый раз я даже прошел по соседней улице и не заметил его.

Наверное, в другое время года хорош Центральный Парк, но зимой он, конечно, обесцвечен и малолюден. Красивы только виды города, открывающиеся с огромных полей в середине парка.

А вот Бруклинский мост обаятелен в любое время года. Сейчас, как и его старшая родственница Эйфелева башня, он отчасти утратил свою утилитарную ценность, но как место для небольшой пешей прогулки над водами Ист Ривер и потоками автомобилей, среди сети металлических канатов, тронутых ржавчиной железных конструкций, огромных темных опор с двойными готическими арками, он вне всякой конкуренции.

Из не таких уж и многочисленных городских площадей запомнилась только Мэдисон сквер – просторная, оставляющая возможность рассмотреть свои оригинальные здания, включая небоскреб Metlife во флорентийском стиле и особенно легендарный "Утюг" (Flatiron), когда-то считавшийся небоскребом,

а теперь – просто редчайший для Нью-Йорка образец архитектурной элегантности. Есть еще, конечно, вся пылающая вечерней рекламой Таймс сквер, но при такой вытянутой форме ее трудно признать настоящей площадью, это скорее пара склеившихся улиц. Для меня загадка, как в новогоднюю ночь на этом пятачке может сгрудиться миллион человек.

Ничего не скажу о Бродвее – как улица он не особо интересен, а сходить на шоу у меня просто не было времени. В конце концов, улицы Нью-Йорка это тоже забавное шоу.

Важное туристское развлечение – дармовая (!) поездка на пароме в Стейтен Айленд и обратно. Яркие желтые трехэтажные паромы раз в полчаса отчаливают от южной оконечности Манхэттена и за двадцать минут достигают места назначения, проходя неподалеку от действительно большой, но умеренно привлекательной Статуи Свободы и знаменитого терминала Эллис Айленд, куда когда-то причаливали корабли с переселенцами из бедных стран Европы. Через несколько минут тем же маршрутом паром возвращается обратно, открывая для обзора красивую перспективу мостов над Ист Ривер.

Набережными, при всем своем островном расположении, Нью-Йорк совсем не богат. В старой, южной части города оборудован небольшой променада на Гудзоне, откуда на противоположном, джерсийском берегу виден более современный и симпатичный высотный дистрикт Хобокен–Джерси-Сити. На Ист Ривер, неподалеку от Бруклинского моста, есть небольшая туристская зона с морским музеем, несколькими парусниками и плавучими магазинами. Вот практически и все.

Однажды вечером мы пробежались по Greenwich Village. Это нормальный европейский городок, где улицы застроены небольшими домами и полно кафе, забегаловок, магазинчиков. Не сомневаюсь, что в более благоприятную погоду там можно отлично проводить время ...

Два крупнейших Нью-Йоркских университета – Columbia и NYU – расположены в центре Манхэттена, но они, кажется, представляют собой просто набор зданий в определенных кварталах уличной сетки. Здесь нет относительно изолированных островков студенческой жизни.

Наконец, стоит добавить, что среди всех шумных американских городов Нью-Йорк, возможно, самый шумный. Мобильный телефон здесь полезен только в том случае, если вы можете укрыться от окружающего гвалта в своей машине. Еще один оазис относительной тишины – музейные залы. Но там вам охранники (этих угрюмых черных мужиков трудно назвать смотрящими) поговорить не дадут ...

Музеи

Метрополитен

Это основной музей Нью-Йорка, по функции напоминающий Эрмитаж. Он расположен на краю Центрального парка и выходит фасадом на центральную авеню – пятаю. Внутри огромный музей разбит на почти не сообщающиеся крупные отделы-отсеки. Плату за вход каждый посетитель может выбирать сам, но это нужно знать заранее. Надписи об этом не бросаются в глаза, а рекомендуемая плата очень велика – \$20. Не то что бы музей не стоил таких денег, но за одно посещение его все равно не рассмотришь, а каждый раз столько платить не каждый себе позволит. Также большой проблемой в Метрополитене оказывается ориентация. Даже с планом в руках потеряться легче легкого, так как залы не пронумерованы. Здесь очень кстати был бы приборчик типа GPS.

Экспозиция, конечно, впечатляет. У меня было 3 часа, за это время я успел пройти египетский отдел (богатейшая коллекция моих любимых фаюмских портретов и цельный египетский храм, извлеченный из зоны затопления Асуанской плотины), посмотрел небольшой американский раздел (здесь понравились только красивые витражи художника Тиффани, а основная часть отдела была закрыта), в отделе классической живописи "поздоровался" со знакомыми по репродукциям картинами (Рембрант во всех видах, Гойя, Веласкес, автопортрет ван Дейка, незабываемый "Вид Толедо" Эль Греко, который когда-то привозили к нам в Эрмитаж ...). Отдел более современной живописи и скульптуры (импрессионисты и Роден) запомнился меньше, хотя все большие имена представлены. Несколько хороших портретов американского художника Сарджента, не так известного у нас. Из русской живописи экспозицию протиснулся только Репин с портретом Гаршина.

Успел еще заглянуть в азиатский раздел, там в одном из помещений оборудован "китайский дворик". Прекрасное место для безмятежных размышлений и снятия стресса.

Музей Гугенхайма

Это музей современного искусства, в который я собирался сходить скорее ради здания, www.greatbuildings.com/buildings/Guggenheim_Museum.html, чем для осмотра экспозиции. Действительно, сооружение уникальное. Основу составляет спиралеобразный 6-этажный белый пандус, покрытый таким же белым куполом. В сторону от него отходят небольшие залы на этажах, но

основные экспонаты располагаются прямо на пандусе. Замечательно цельная конструкция, по плавности линий больше напоминающая живой организм. Господь бог, видимо, учел мой интерес к архитектуре и непонимание современного искусства и привел меня к Гугенхайму в день смены выставок. Большая часть экспозиции была закрыта, доступ оставлен только к двум этажам (зато вход по пониженной цене). На одном расположена галерея Кандинского (это совсем уж не мое), на другом – часть собрания немецкого галериста Танхойзера, отличная небольшая выборка, с ранним Пикассо, ван Гогом, и пр. Не каждый день можно посидеть на лавочке рядом с картиной ван Гога.

Собрание Фрика

Единодушно рекомендовано для посещения всеми моими друзьями. Это прямая противоположность гигантизму Метрополитена. Сравнительно небольшой особняк магната сталелитейной промышленности, отдельные помещения которого "собраны" воедино большим крытым мраморным внутренним двориком с фонтаном. Первоклассная, уютно размещенная, не очень большая коллекция картин (эль Греко, Веласкес, Гойя, Гейнсборо, Вермеер, Гольбейн, целая галерея ван Дейка, портрет Вашингтона с однодолларовой купюры). Подробности на collections.frick.org .

Библиотека Моргана

Уникальное собрание старинных (средневековых и эпохи Возрождения) книг и одновременно научный центр, www.themorgan.org. В день, когда мы туда попали, большая часть музея была закрыта. Посмотрели несколько комнат (больших залов) хозяина и маленькую симпатичную выставку переплетов всех времен и народов. Еще очень интересна выставка неописуемо древних вавилонских и ассирийских печатей: небольшие каменные цилиндрики при прокатывании (видимо, по глиняной табличке) оставляют предельно четкое и художественно интересное изображение – чаще всего, сцены охоты или войны.

Запомнилась архитектура самого здания. Суть в том, что изначально библиотека располагалась в двух солидных, но совершенно разнородных и не примыкающих друг к другу особняках, а затем пространство между ними было заполнено ажурно-стеклянной просторной и изящной соединительной конструкцией.

Neue Galerie

Это небольшой музей, www.neuegalerie.org, посвященный живописи и прикладному искусству венских художников, из числа которых наиболее известен Климт, но в этой экспозиции даже более интересен умерший совсем молодым очень разнообразный и совсем мне неизвестный Эгон Шиле (Schiele). Почти половину места занимала впечатляющая выставка Alfred Kubin, оригинальные картины ужасов в духе капричос Гойи и гармонирующие с ними иллюстрации к Эдгару По, Достоевскому и Гоголю.

Еврейский Музей

Если быть точным, то в Нью-Йорке много еврейских музеев. Мимо одного из них, печального шестигранного здания заметного странной пирамидальной формой крыши музея холокоста (The Museum of Jewish Heritage, www.mjhnyc.org), я только прошел по набережной Гудзона, а побывал в другом (The Jewish Museum, www.thejewishmuseum.org), где проходила выставка "Шагал и еврейский театр". Гвоздем экспозиции было привезенное из Третьяковской галереи шагаловское оформление зрительного зала еврейского театра на Малой Бронной (в лучших шагаловских традициях красочной смеси, изображающей козлов, артистов театра, режиссеров, критиков и самого художника). Но мне, конечно, было не менее интересно посмотреть фотографии и особенно кинозаписи отрывков из спектаклей с Михоэлсом и Зускиным, послушать их голоса (между прочим, почти все привезено из московских архивов, особенно из бахрушинского театрального музея). Выставка занимала всего 3-4 зала, но я провел там весь час, который у меня был, и даже не успел заглянуть в основную (этнографическую) экспозицию. Есть еще, например музей, посвященный иммиграции евреев в Америку в начале XX века (Tenement Museum, www.tenement.org), но туда я уже не добрался.

Нью-Джерси

Как я уже говорил, штат Нью-Джерси начинается сразу за Гудзоном (и идет вдоль моря довольно далеко на юг). Это административное деление имеет забавные последствия. Если с противоположной стороны от Манхэттена все давным-давно застроено, то со стороны Нью-Джерси явно пролегает полоса отчуждения. Здесь легко можно увидеть средней величины болотце (вроде бы оставленное для перелетных птиц) всего в нескольких милях от манхэт-

тенских небоскребов. Штат бессознательно отгораживается от соседнего мегаполиса, следуя негласному девизу своих жителей: "Работать в Нью-Йорке, жить в деревне". В полчаса езды от Манхэттена начинается непрерывная цепочка небольших городков и населенных пунктов, отличающихся друг от друга преобладающей национальностью и достатком жителей (от среднего до очень высокого). Здесь не редкость встретить настоящие поместья богатей с обширными участками и небольшими дворцами, чаще всего стоящими на возвышенном месте, каких здесь полно. Много гольф-клубов (то есть обширный парк для игры и при нем клубное здание со всем необходимым). Такие более богатые места гордятся отсутствием общественного транспорта. Зачем он им? В одном таком сравнительно богатом поселке я побывал, но устроен он несколько иначе. На достаточно изолированном высоком лесистом холме стоит несколько отделанных скромным темно-серым сайдингом таун-хаузов, то есть вытянутых домов, разделенных на 2-3 вертикальных отсека по числу живущих семей. Внешне выглядит более чем скромно, но, попав внутрь, обнаруживаешь, что в доме три или четыре просторных уровня, искусно вписанных в рельеф, а присутствие соседей совсем не ощущается. Получаются настоящие хоромы.

Более прозаические поселки застроены характерными для "обыкновенной Америки" двух-трехэтажными домами светлых цветов, выстроившимися вдоль более-менее (насколько позволяет здешний переменчивый рельеф) регулярных улиц. В таком поселке есть своя Main street со всем необходимым, да и большие торговые центры всегда неподалеку. До Манхэттена можно добираться на машине, автобусе или электричке – кому как удобнее.

Из настоящих городов мы дважды, на пути из аэропорта и в аэропорт, проехали по окраине Ньюарка. Мрачные кирпичные руины кое-где напоминают о прошлых временах, когда это был бедный промышленный центр с преимущественно черным населением. Сейчас ситуация явно изменилась, здесь и большой высотный деловой центр, и первоклассный концертный зал (сам Филипп Киркоров гастролировал, ха-ха) и дворец спорта для хоккейной команды.

В один из дней мы совершили более дальнюю вылазку на юг штата, несколько десятков миль в сторону университета Rutgers, где у меня была назначена единственная за эту поездку встреча. Здесь, на большем отдалении от Нью-Йорка, Нью-Джерси держит свою немалую промышленность, например, перевалочные порты. Ну и конечно, всюду пульсирует густая сеть автострад.

Соплеменники

Если профессиональная жизнь Нью-Йорка во многом интернациональна, то в быту город распадается на национальные сообщества, причем каждый век выбрасывает на берег все новые племена, скажем, корейцев или пуэрториканцев. Еврейская же часть настолько велика, что она сама делится на достаточно замкнутые части, например, ортодоксальных евреев, живущих здесь издавна, бухарских – выходцев из Средней Азии, и ту, в которой я находился – эмигрантов из Советского Союза, по понятным причинам часто называемых здесь русскими. На знаменитый "русский" Брайтон Бич, я не попал – находится он у черта на рогах, а мои друзья относятся к этой провинциальной экзотике свысока и не горели желанием туда ехать. Только однажды занесло меня в гости в похожую местность на Far Rockaway, где на берегу невидимого в темноте океана, стояли в ряд высотки, до слез похожие на какой-нибудь проспект Культуры, возле парадной две старушки беседовали по-русски, а у лифта красовалось извещение на двух языках о предстоящем "митинге с представителем полиции" (то есть встрече с участковым). Об Америке напоминала разве что черная физиономия консьержа у входной двери. В этих домах живут пенсионеры, так называемая "восьмая программа". Пенсия 700 с чем-то долларов, плата за более чем скромную квартирку символическая – около 200, еще долларов 300 уходит на еду ... можно свести концы с концами, и, если позволит здоровье, изредка выбираться в центр для культурного досуга.

Но и в более уважаемых местах компактного поселения "нашего брата" хватает, чтобы создать круг общения не меньший, чем в Москве или Питере. В квартирах часто звонит телефон, и почти никогда разговор не идет на английском. В порядке вещей нанять экскурсионный автобус и отправиться куда-нибудь своей компанией, человек 40. Следующее поколение, выросшее в Америке, женится по большей части "среди своих", но это уже совсем другое дело. Нередко родители говорят с детьми по-русски, а ответ выслушивают по-английски. Внуки уже будут считать себя просто американскими евреями, при случае готовыми вспомнить, откуда приехала их бабушка, но и не более того. Два десятка лет, проведенных в Америке, давно расставили все по местам, все устроились где-то ближе к середине социальной лестницы: научный работник, дизайнер, инженер, преуспевающий врач, квалифицированная медсестра (не путать с российскими), системный программист, биржевой маклер ... Хорошее советское образование, готовность трудиться и стремление занять достойное место сделали свое дело. В то же

время в их системе ценностей не было горячего стремления стать большими начальниками или сильно разбогатеть по-американски. Да и вряд ли это было возможно.

В одном из поселков с соответствующим населением меня сводили на экскурсию в настоящий русский магазин (я уже рассказывал раньше о не слишком успешном бизнесе такого рода). На этот раз все было иначе. Кстати говоря, магазин не рекламировал себя как "русский", а анонсировал что-то расплывчатое, типа ethnic foods, и там совершенно точно были и англоязычные покупатели. Немаленький торговый зал ломился от продуктов, причем представлял собой потребительский рай, каким его можно было представить именно в Советском Союзе, а не в современной России с ее уклоном в импортную продукцию. Соленья, копченья, икра, красная рыба, "настоящие батоны за 25 копеек", какие-то лимонные вафли, импортированные из Белоруссии ... Ну и конечно предельно вежливые русскоговорящие продавщицы, каких в Союзе отродясь не бывало.

Со всеми, даже с теми, с кем очень давно не виделся, общий язык находился так же легко, как будто расстались вчера. Но интереснее, конечно, рассказать о спорных моментах. Единственное, что иногда было чревато трениями, это беспредельный израильский патриотизм некоторых моих собеседников, в том числе и тех, кто никогда там не жил. В отличие от событий в России, с которой "все ясно", все, что происходит в Израиле и с Израилем – тема номер один. Стоило мне робко сказать однажды, что за все время, проведенное во Франции, у меня не было ни малейших проблем с тамошними арабами, как меня чуть ли не записали в пособия бен Ладена. Я, конечно, быстро прикусил язык, но про себя подумал, что если называть вещи своими именами, то это и есть стопроцентный антисемитизм (ну не те семиты, так другие). Впрочем, иногда не спасало даже и молчание. "Разве ты не видишь, что ему (мне) это совершенно не интересно!" сказано было так, что слышалось "Да еврей ли он вообще!?!". Кажется, впервые мне намекнули что я неполноценный еврей не в религиозном смысле (с чем я полностью согласен), а, так сказать, по образу мыслей. В любом другом месте то, что я продолжаю жить и работать в России, при знакомстве засчитывается мне за маленький плюс, но здесь, в эмигрантской среде, иногда может обернуться и минусом. Но еще раз скажу, эти мелочи непонимания тонули в море положительных эмоций от общения.

Не могу описать, до какой степени хорошо меня принимали, и те, с кем

я поддерживаю отношения, и те, с которыми не виделся тридцать лет.¹⁷ Не называю здесь имен, но моя благодарность от этого не становится меньше. Заканчивая нью-йоркские записки, я смотрю на них с некоторым изумлением – как много всего удалось повидать за такой короткий срок (а ведь я здесь еще ничего не пишу о ежедневных походах в гости, встречах и застольных беседах, поскольку это интересно не всем). Конечно, повернуть все это можно было только с помощью моих добровольных гидов и советчиков.

Good bye, America

Ну, вот и все. Университетская электронная почта приносит уже знакомые деловые письма – точно такие же, как в начале осеннего семестра, – но ко мне они уже не относятся. "Чемодан, аэропорт, Россия", ... а с Америкой, может быть, увидимся еще когда-нибудь, кто знает?

¹⁷Были, правда, несколько человек, которые не проявили желания увидеться. Ну что же, каждый воспринимает такие вещи по-своему.